Баронъ Б. Э. Нольде.

BB265
H 946

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Цѣна 60 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.
Москва—Петроградъ. 1915 г.

Открыта подписка на 1915 годъ

и продолжается подписка на 1914 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Постоянное участіе въ „Русской Мысли“ принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ѳ. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго и наступающаго года **„Русская Мысль“ удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.**

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **25** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Нюстадская, д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Баронъ Б. Э. Нольде.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Оттискъ изъ журнала *Русская Мысль*, октябрь, 1914 г.

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ.
1915 г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

К.
П/986

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1. Вѣна	4—15
2. Петербургъ	16—25
3. Берлинъ	25—40

ВВ265
Н 946
Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. С. К. П. (б.)
818
28
182478

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб д.
МОСКВА—1915.

Какъ началась война?

Можетъ казаться, что нѣтъ надобности ставить вопроса. Повидимому, весь міръ знаетъ, что и какъ произошло за тѣ тринадцать дней, которые отдѣляютъ врученіе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи отъ врученія англійскаго ультиматума Германіи, тринадцать, вѣроятно, самыхъ яркихъ дней въ исторіи послѣдняго столѣтія, и я ничего не могу прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя съ начала войны сдѣлались достояніемъ гласности. И тѣмъ не менѣе попытка еще разъ мысленно вернуться къ общеизвѣстному и всѣми обдуманному можетъ, на мой взглядъ, быть оправдана. Мы читали газеты, слушали рѣчи министровъ, изучали оранжевую книгу, можетъ быть, прочли документы, представленные англійскому парламенту, и документы, представленные рейхстагу, но все это проходило черезъ наше сознаніе по мѣрѣ того, какъ издавалось или какъ попадало въ Россію, т.-е. проходило въ порядкѣ случайномъ, не такъ, какъ развивались событія, а такъ, какъ мы о нихъ узнавали. Теперь можно собрать всѣ данныя, попытаться каждое изъ нихъ поставить на свое мѣсто и по свѣжимъ слѣдамъ возстановить истинный ходъ исторіи. Я не имѣю претензіи открыть глубокія и отдаленныя причины войны и сомнѣваюсь даже въ возможности свести къ фатальной и необходимой игрѣ такихъ „причинъ“ ея возникновеніе. Условій, вызвавшихъ борьбу, безконечное множество, малыхъ и большихъ, близкихъ и отдаленныхъ, какъ безконечно сложно то, что мы называемъ однимъ и, съ перваго взгляда, простымъ словомъ „война“. Графъ Берхтольдъ велъ свой историческій разговоръ 15/28 іюля съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ такъ, а не иначе,—и потому, что онъ обладалъ опредѣленными личными свойствами, и потому, что его окружала опредѣленная среда, и потому, что былъ убитъ эрцгерцогъ, и потому, что австро-венгерская политика потерпѣла фіаско во время балканскаго кризиса 1912—1913 годовъ, и потому, что до Берхтольда на Балльплацѣ си-

дѣлъ графъ Эренталь и объявилъ аннексію Босніи и Герцеговины, а до того совершалась турецкая революція, а ранѣе русско-японская война и еще раньше былъ Берлинскій конгрессъ и жилъ Андраши, и т. д., и т. д. Вмѣсто обманчиваго „прагматизма“ я ищу лишь точнаго описанія всего важнаго въ томъ, что на самомъ дѣлѣ совершилось. Такое описаніе есть первый ключъ къ исторіи: к а к ъ было—лучшее объясненіе, п о ч е м у было. Я предлагаю опытъ такого описанія начала войны, хочу возможно полно разсказать, что совершилось з а тѣ тринадцать дней, въ теченіе которыхъ мирная вчера Европа вошла въ полосу величайшаго историческаго испытанія.

1.

В ѣ н а.

15/28 іюня 1914 г. былъ убитъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. 10/23 іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ, содержавшій рядъ всѣмъ памятныхъ требованій и приглашавшій сербовъ дать имъ удовлетвореніе въ теченіе 48 часовъ. Уже продолжительность срока, отдѣлявшаго день убійства отъ дня ультиматума, указывала, что бумага австрійцевъ писалась не торопясь, много разъ обдумывалась, вѣроятно, обсуждалась во всѣхъ инстанціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что весь австро-венгерскій дипломатическій аппаратъ былъ заведенъ самымъ аккуратнымъ и тщательнымъ образомъ: всѣмъ посламъ и посланникамъ было сказано, что, гдѣ и какъ говорить, объясняя бумагу; у союзниковъ — навѣрное въ Берлинѣ и, вѣроятно, въ Римѣ — была испрошена поддержка; посланнику въ Бѣлградѣ было сказано, какъ онъ долженъ уѣзжать въ случаѣ отказа принять ультиматумъ. Несомнѣнно столь же внимательно были обсуждены и военныя мѣры воздѣйствія на Сербію. Даже сербамъ было точно указано, что имъ надлежало дѣлать, въ какой газетѣ печатать повинную за „соучастіе“ въ убійствѣ эрцгерцога, даже на какой страницѣ газеты. Дипломатическая техника торжествовала. Спрашивается, торжествовало ли дипломатическое искусство? Были ли согласованы цѣли и средства, были ли зрѣло обдуманы задачи, ясно оцѣнены всѣ возможности?

Прежде всего, какова была задача? Австрійскіе дипломаты давали разныя объясненія, приноровленныя къ разнымъ слушателямъ. Есть, прежде всего, офиціальная версія, которую имъ предписано было излагать въ столицахъ великихъ державъ, передавая текстъ ультиматума. Это—версія, такъ сказать, „оборонительная“: Австро-Венгріи угрожаетъ „преступная агитація“ Сербіи, „интриги“ Сербіи вызвали цареубійство, надо побудить Сербію остановить „разрушительное“ движеніе. „Импера-

торское и королевское правительство убѣждено", говорилось въ офиціальномъ документѣ, который оставилъ австрійскій посолъ въ Вѣнѣ графъ Менздорфъ сэру Эдуарду Грею на слѣдующій день послѣ передачи ультиматума, „что, предпринимая этотъ шагъ, оно находится въ полномъ согласіи съ чувствами, раздѣляемыми всѣми цивилизованными націями, которыя не могли бы допустить, чтобы цареубійство сдѣлалось оружіемъ, которымъ можно было бы безнаказанно пользоваться въ политической борьбѣ, и чтобы европейскій миръ постоянно нарушался теченіями, исходящими изъ Бѣлграда" [1]). Это объясненіе задачъ Австріи множество разъ повторялось на разные лады: можно думать, что вѣрили въ его особливую убѣдительность. Его повторяли даже тогда, когда событія его опровергли съ достаточной наглядностью. Германскіе послы, которымъ имперскій канцлеръ предписалъ телеграммой, отправленной въ день австрійскаго ультиматума, поддерживать этотъ шагъ Австріи, особенно охотно къ нему возвращались. Въ упрощенной формѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ телеграммѣ императора Вильгельма Государю 15/28 іюля: „Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ преступленіемъ, жертвой котораго сдѣлался эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, который заставилъ сербовъ убить своего собственнаго короля и его супругу, еще и сегодня господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со мной, что Мы оба, Ты и я, какъ и всѣ суверены, имѣемъ общій интересъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ, кто несетъ отвѣтственность за ужасное убійство, потерпѣли заслуженное наказаніе". Или еще проще въ разговорѣ германскаго военнаго уполномоченнаго въ Петербургѣ [2]) съ помощникомъ командующаго главной квартирой княземъ Ю. И. Трубецкимъ, который германское правительство почему-то пожелало занести на страницы своей бѣлой книги: „Въ Германіи послѣ сараевскаго убійства больше не понимаютъ словъ Россіи: мы не можемъ оставить безъ помощи нашихъ братьевъ въ Сербіи".

Я сказалъ, что офиціальная австрійско-германская „оборонительная" версія была опровергнута весьма скоро: въ этомъ заслуга Пашича. Во множествѣ дипломатическихъ документовъ, изъ которыхъ складывается переписка, предшествовавшая войнѣ, можетъ быть, самый мудрый и совершенный есть сербскій отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ: въ немъ вылилось истинное искусство. Австрійскія требованія противорѣчили сербскому суверенитету, даже самое ихъ число было разсчитано на то, чтобы вызвать отказъ со стороны сербовъ; Пашичъ при-

[1]) Пользуюсь по возможности переводами въ русскомъ изданіи англійской синей книги: Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Петроградъ, 1914.

[2]) Пишу „Петербургъ", чтобы сохранить имя, существовавшее въ тѣ дни, которые описываю.

нялъ всѣ малыя и большія требованія, далъ объясненіе по всѣмъ пунктамъ, но—почти незамѣтно и очень остроумно—вытравилъ все то, что разсчитано было на умаленіе сербскаго суверенитета и прямое униженіе страны. Торжественно возвѣщенные австрійскими дипломатами мотивы „государственной обороны“ монархіи, призывы охранять монархическій принципъ сразу поблѣднѣли и разсѣялись. „Цареубійцы“ заявили полную готовность карать „преступную агитацію“ и выполнить—только въ согласіи съ державными правами королевства—все, чего желали въ Вѣнѣ. Съ совершенной очевидностью обнаружилось, что въ обстоятельствахъ смерти эрцгерцога искали лишь предлога для выступленія, задачи котораго стояли далеко отъ всѣхъ, поминавшихся въ австрійскомъ ультиматумѣ Принциповъ, Габриловичей, Циганович, „Народныхъ Одбранъ“ и т. д.

Австрійскіе дипломаты хорошо знали, что, кромѣ официальной версіи, есть и то существо дѣла, о которомъ говорить не было поручено, но о которомъ невольно говорить приходилось. Впрочемъ, даже въ той официальной бумагѣ, которой истолковывался въ большихъ центрахъ ультиматумъ, заключался намекъ на истинныя цѣли австрійскаго вмѣшательства. „Соблюдая благожелательное отношеніе къ политическимъ интересамъ Сербіи“, говорилось тамъ, „императорское и королевское правительство надѣялось, что королевство рѣшится въ концѣ-концовъ слѣдовать съ своей стороны аналогичной линіи поведенія. Австро-Венгрія ожидала такого рода перемѣны въ политическихъ идеяхъ Сербіи въ особенности съ того времени, когда, послѣ событій 1912 года, императорское и королевское правительство, занявъ незаинтересованное и чуждое зложелательства положеніе, сдѣлало возможнымъ столь значительное расширеніе Сербскаго королевства“. Этотъ туманный намекъ на сербскую „неблагодарность“ нѣсколько разъясняется въ словахъ, сказанныхъ австро-венгерскимъ посломъ Грею нѣсколькими днями позднѣе (14/27 іюля): „Пока Сербія граничила съ Турціей, Австрія никогда не принимала очень суровыхъ мѣръ въ силу своей привязанности къ политикѣ свободнаго развитія балканскихъ государствъ. Нынѣ же, когда Сербія удвоила свою территорію и народонаселеніе, чему Австрія не чинила ни малѣйшихъ препятствій, подавленіе сербскихъ революціонныхъ тенденцій стало для Австріи вопросомъ самозащиты и самосохраненія“. Опять-таки не откровенно, обинякомъ, но все же уже яснѣе здѣсь указывается, что австрійскіе дипломаты думали, прежде всего, наверстать упущенія своей прошлой политики, политики времени балканскаго кризиса, когда составляли сербскій ультиматумъ. У насъ писали и, кажется, думали, что балканскій кризисъ былъ выгоденъ Австро-Венгріи. Эта легенда теперь можетъ быть сдана въ архивъ. Невыгоды были такъ велики, что Австрія, пытаясь исправить ихъ, рискнула европей-

ской войной. Отказъ отъ пути на Салоники и удвоенная Сербія, съ сомнительнымъ утѣшеніемъ албанской анархіи и распри съ Италіей, таковъ былъ итогъ балканскаго кризиса для Австро-Венгріи; этотъ итогъ пожелали скинуть со счетовъ. Генеральный секретарь итальянскаго министерства иностранныхъ дѣлъ правильно понималъ, когда говорилъ англійскому послу въ день предъявленія ультиматума Сербіи: „Серьезность положенія лежитъ въ убѣжденіи австро-венгерскаго правительства, что совершенно необходимо для его престижа, послѣ столькихъ разочарованій, вызванныхъ ходомъ событій на Балканахъ, добиться окончательнаго успѣха“.

Что интересно отмѣтить: при всей сдержанности профессіональныхъ дипломатовъ попытка возстановить политическія потери 1912—1913 гг., сдѣланная вѣнскимъ правительствомъ, сразу же обнаружила въ нихъ какъ будто сданныя въ архивъ традиціи габсбургскаго „имперіализма“. Онъ не сказывался въ разговорахъ съ русскими, но съ англичанами австрійцы были откровенны: это понятно, ибо, какъ я покажу ниже, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ вѣрили въ нейтралитетъ Англіи. Вотъ два эпизода. На слѣдующій день послѣ объявленія войны Сербіи австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Грея о впечатлѣніи, которое война произведетъ въ Россіи, сказалъ: „До балканской войны о Сербіи всегда говорили, что она находится въ сферѣ австрійскаго вліянія“. Въ тотъ же день на другомъ концѣ Европы, въ Константинополѣ, австрійскій посолъ заговорилъ о Салоникахъ. „Я пришелъ къ заключенію“, телеграфируетъ англійскій представитель въ Турціи въ Лондонъ, „что намѣренія Австріи, быть можетъ, простираются гораздо дальше санджака и карательнаго занятія сербской территоріи. Я сдѣлалъ этотъ выводъ на основаніи замѣчанія здѣшняго австрійскаго посла, который говорилъ о плачевномъ положеніи Салоникъ подъ управленіемъ Греціи и о помощи, на которую можетъ разсчитывать австрійская армія со стороны мусульманскаго населенія, недовольнаго сербскимъ владычествомъ“.

Воскресенье габсбургскаго „имперіализма“, которое мы чувствуемъ въ этихъ, отмѣченныхъ документами, эпизодахъ, какъ всегда бываетъ, льстило толпѣ и опиралось на фундаментъ скрытыхъ народныхъ инстинктовъ. Объ этомъ разсказываетъ англійскій посолъ въ Вѣнѣ, сэръ М. ди Бунзенъ, въ своемъ общемъ обзорѣ кризиса, написанномъ по возвращеніи въ Лондонъ: „Поведеніе населенія въ Вѣнѣ и, мнѣ сообщали, въ другихъ главныхъ городахъ монархіи краснорѣчиво обнаруживало популярность мысли о войнѣ съ Сербіей, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что маленькая кучка политическихъ людей Австріи и Венгріи, которые рѣшились на памятное выступленіе, правильно оцѣнивали настроеніе и, можно сказать, рѣшимость народа, за исключеніемъ, вѣроятно, частей провинцій, населенныхъ славянскими

племенами. Вездѣ было много разочарованія, что война съ Сербіей была избѣгнута во время аннексіоннаго кризиса 1908 г. и опять въ связи съ балканской войной. Мирная политика графа Берхтольда не встрѣтила сочувствія въ делегаціяхъ. Теперь двери были открыты, и все населеніе, и вся пресса нетерпѣливо требовали немедленнаго и примѣрнаго наказанія ненавистнаго сербскаго народа".

Таковы были задачи, въ которыхъ признавались открыто, и тѣ, въ которыхъ офиціально не признавались, но которыя скрыть было нельзя. Средства ихъ достигнуть были обдуманы не менѣе тщательно. Они рисовались такъ. Ультиматумъ, принятіе котораго означало, какъ выразился С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Пурталесомъ, превращеніе Сербіи въ Бухару, а непринятіе вызывало войну и тотъ же конечный результатъ; для обезпеченія невмѣшательства Россіи сразу же, одновременно съ обнародованіемъ ультиматума, предупредительная угроза Германіи по ея адресу, а кстати и по адресу Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, повидимому, не сомнѣвались въ дѣйствительности этого, въ общемъ довольно несложнаго плана, скопированнаго съ образца, даннаго даровитымъ предшественникомъ мало способнаго графа Берхтольда—Эренталемъ въ періодъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Сначала дѣйствительно все разыгрывалось, какъ по нотамъ; всѣ были разставлены на мѣста и говорили то, что нужно; если и обнаружилось довольно скоро, что на австрійское выступленіе отвѣчаютъ не такъ, какъ по расписанію слѣдовало, то первоначально этому ни Вѣна, ни Берлинъ, видимо, не придавали значенія, увлеченные своими собственными замыслами и своимъ собственнымъ пониманіемъ положенія.

Сначала—ультиматумъ и заявленія австрійскихъ пословъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ на тему о преступной агитаціи и цареубійствѣ, заявленія, сами по себѣ лишенныя интереса и исчерпывавшіяся воспроизведеніемъ уже извѣстной намъ офиціальной версіи о задачахъ ультиматума. Далѣе — появленіе въ кабинетахъ С. Д. Сазонова, Бьенвеню-Мартена (замѣнявшаго ѣздившаго съ президентомъ Вивіани) и сэра Эдуарда Грея, слѣдомъ за австрійскими, германскихъ пословъ, весьма рѣшительно заговорившихъ въ пользу австрійскаго выступленія. Заявленія германскихъ представителей даютъ возможность измѣрить политическую температуру первыхъ дней кризиса. Выступленіе ихъ есть результатъ предварительнаго сговора между Берлиномъ и Вѣной — въ этомъ нельзя сомнѣваться уже въ виду того простого факта, что инструкціи изъ Берлина были даны посламъ еще до врученія ультиматума Сербіи; значитъ, степень энергіи, вложенной въ германскую поддержку, была опредѣлена общимъ соглашеніемъ и признана достаточной для достиженія цѣли. Заявленіе германскихъ пословъ заканчивалось слѣдующими положеніями (въ Лондонѣ они были сдѣланы и письменно): „Если

австро-венгерское правительство не желаетъ окончательно потерять своего великодержавнаго положенія, то для него нѣтъ иного выбора, какъ только добиться отъ сербскаго правительства исполненія своихъ требованій путемъ энергичнаго давленія и даже, если будетъ необходимо, съ помощью вооруженной силы, такъ какъ выборъ средствъ долженъ быть предоставленъ ему одному. Имперское правительство находитъ нужнымъ настойчиво подчеркнуть свое мнѣніе, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ лишь о дѣлѣ, которое должно быть улажено исключительно между Австро-Венгріей и Сербіей, и великія державы должны серьезно озаботиться тѣмъ, чтобы ограничить дѣло исключительно двумя непосредственно заинтересованными сторонами. Имперское правительство настоятельно желаетъ локализаціи конфликта, такъ какъ всякое вмѣшательство со стороны другой державы повлекло бы за собой, въ виду различныхъ союзныхъ обстоятельствъ, неисчислимыя послѣдствія". Когда это заявленіе на слѣдующее утро попало въ печать—а попало оно въ печать въ Парижѣ,—оно было истолковано, какъ угроза; бар. ф.-Шенъ пріѣзжалъ во французское министерство доказывать, что никакой угрозы нѣтъ, но оцѣнка была, конечно, вѣрной. Надѣясь, очевидно, сразу же обезпечить успѣхъ австрійскаго шага, Германія—раньше, чѣмъ даже могло выясниться отношеніе державъ—дѣйствительно обратилась къ угрозамъ. Много говорилось о томъ, знала или не знала Германія текстъ ультиматума Сербіи; германскій посолъ въ Парижѣ, германскій посолъ въ Петербургѣ и самъ статсъ-секретарь ф.-Яговъ тщательно отрицали свою освѣдомленность, причемъ ф.-Яговъ, разговаривая съ англійскимъ посломъ, даже заявилъ „частнымъ образомъ", что австрійская нота „оставляетъ, какъ дипломатическій документъ, многаго желать", и что во всякомъ случаѣ „содержаніе ноты" ему было извѣстно. Мы знаемъ теперь, что нота была до ея врученія сообщена германскому послу въ Вѣнѣ и имъ протелеграфирована императору Вильгельму [1]); но допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ текстъ ультиматума не былъ редактированъ по предварительному соглашенію и что ф.-Яговъ сумѣлъ бы сдѣлать ноту, „какъ дипломатическій документъ", болѣе совершенной, чѣмъ это удалось графу Берхтольду. Но и при такихъ условіяхъ останется несомнѣннымъ, что политическій смыслъ ультиматума—а въ немъ все дѣло—былъ хорошо понятъ и вполнѣ одобренъ

[1]) Англійскій посолъ въ Вѣнѣ сэръ М. де Бунзенъ въ телеграммѣ 17 іюля: „Хотя я и не могу провѣрить этого, но получилъ частныя свѣдѣнія о томъ, что германскій посолъ зналъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и протелеграфировалъ его германскому императору. Я слышалъ отъ самого германскаго посла, что онъ подписывается подъ каждымъ его пунктомъ".

германскимъ правительствомъ раньше, чѣмъ онъ былъ предъявленъ. Конечно, ф.-Бетманъ-Гольвегу не было надобности включать въ инструкцію германскимъ посламъ угрожающихъ ссылокъ на „союзныя обязательства“ и настоятельно призывать къ „локализаціи конфликта“, если бы рѣчь шла о неизвѣстномъ Германіи и къ тому же несовершенномъ упражненіи вѣнской дипломатитической канцеляріи. Германское правительство знало, что дѣлало. Я не думаю, что оно связывало уже съ этимъ первымъ своимъ выступленіемъ сознательный расчетъ вызвать европейскую войну; эта рѣшимость созрѣла нѣсколькими днями позднѣе. Но все же объясненія ф.-Шена и ф.-Ягова были, конечно, неискренними. Первое выступленіе внушено было совершенно опредѣленнымъ стремленіемъ, занявъ угрожающее положеніе, обезпечить успѣхъ австрійскаго выступленія и нанести политическій ударъ Россіи.

Послявъ ультиматумъ и вооруживъ его германскими угрозами, дипломатія двухъ союзниковъ рѣшила, что дѣло сдѣлано и что остается только ждать времени, когда можно будетъ пожать плоды проявленной энергіи. Графъ Берхтольдъ, разсказавъ содержаніе ультиматума русскому повѣренному въ дѣлахъ князю Н. А. Кудашеву, уѣхалъ изъ Вѣны въ Ишль и не сталъ дожидаться русскаго отвѣта. Когда этотъ отвѣтъ пришелъ и оказался просьбой продлить срокъ ультиматума, съ нимъ пришлось объясняться по телефону и посылать телеграммы, что значительно упрощало отказы. Даже въ Берлинѣ англійскому послу на просьбу поддержать отсрочку ультиматума отвѣтили, что за отъѣздомъ Берхтольда въ Ишль сдѣлать это невозможно. Когда ультиматумъ былъ Сербіей отвергнутъ и объявленіе ей войны было отправлено, графъ Берхтольдъ снова появился въ Вѣнѣ, но продолжалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ заявлять, что Австро-Венгрія не можетъ измѣнить принятаго рѣшенія.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ ждали изо дня въ день, что задуманная развязка дипломатической кампаніи, развязка, которую назвали „локализаціей спора“, наконецъ, наступитъ безъ всякихъ новыхъ усилій, только съ твердымъ сохраненіемъ разъ занятой австрійскими и германскими дипломатами позиціи. Эта увѣренность питалась двумя коренными заблужденіями,—заблужденіями, которыхъ, конечно, никогда не простятъ руководителямъ внѣшнихъ судебъ двухъ странъ ихъ народы, какъ только они въ состояніи будутъ размышлять спокойно и узнаютъ правду. Первое основное заблужденіе заключалось въ полной увѣренности, что Россія уступитъ, какъ только увидитъ серьезность положенія; второе—не менѣе основное—въ убѣжденіи, что скрывавшаяся въ формулѣ „локализація войны“ угроза заставитъ Францію и Англію отказать Россіи въ поддержкѣ и тѣмъ самымъ уединитъ Россію и дипломатически, и въ войнѣ, если бы, паче чаянія, война началась.

Дипломатическіе документы даютъ множество свидѣтельствъ, что и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ разсчитывали на уступчивость Россіи. Эти свидѣтельства настолько любопытны, что ихъ стоитъ собрать воедино. Н. Н. Шебеко телеграфировалъ 14/27 іюля въ Петербургъ: „Надо полагать, что Австрія разсчитывала подъ вліяніемъ завѣреній германскаго представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализаціи конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ". Англійскій посолъ въ Вѣнѣ, описывая уже по возвращеніи на родину все, что произошло за время кризиса, писалъ, что въ Вѣнѣ царила полная увѣренность, будто выступленіе Австро-Венгріи не повлечетъ за собой вооруженнаго вмѣшательства другихъ великихъ державъ. С. Д. Сазоновъ говорилъ англійскому послу въ Петербургѣ утромъ въ день объявленія войны Германіей: „Германія неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петербургѣ: первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрію, а второй успокаивалъ свое правительство, что Россія никогда не согласится на войну". „Германскій посолъ увѣренъ—доносилъ сэръ М. ди Бунзенъ въ Лондонъ 13 іюля,—что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи, которой Австрія рѣшила подвергнуть Сербію, такъ какъ она получила завѣренія, что Австро-Венгрія не присоединитъ сербской территоріи. На мой вопросъ, не будетъ ли принуждено русское правительство вмѣшаться въ силу требованій общественнаго мнѣнія, такъ какъ дѣло идетъ о родственной народности, онъ сказалъ, что все зависитъ отъ личности русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который, если онъ захочетъ, легко можетъ произвести давленіе на нѣсколько газетъ. Онъ указалъ на то, что дни панславистской агитаціи въ Россіи прошли и что Москва совершенно спокойна. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ думаетъ его превосходительство, не будетъ столь неблагоразуменъ, чтобы сдѣлать шагъ, который, вѣроятно, вызвалъ бы постановку многихъ пограничныхъ вопросовъ, въ коихъ Россія заинтересована, ибо на очередь станутъ вопросы шведскій, польскій, рутенскій (sic), румынскій и персидскій. Франція также не находится въ такомъ состояніи, чтобы помышлять о войнѣ". „Австрійскій коллега сказалъ мнѣ сегодня", доносилъ 15/28 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ, „что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Мнѣ кажется", прибавляетъ Гошенъ, „что это мнѣніе раздѣляется здѣсь (въ Берлинѣ) весьма многими".

По понятнымъ причинамъ германское правительство не включило въ изданные имъ документы тѣхъ донесеній своихъ пословъ, въ которыхъ они писали, что Россія воевать не будетъ; австрійское правительство вообще документовъ не печатало. Но достаточно прочесть приведенныя

выше свидѣтельства и особенно телеграммы англійскаго посла въ Вѣнѣ съ которымъ всѣ участники событій были весьма откровенны, чтобы утверждать, что оба союзныхъ правительства получали изъ Петербурга донесенія о полной неспособности Россіи къ дѣятельному выступленію. Я увѣренъ, что наличность этихъ документовъ въ архивахъ Берлина и Вѣны оспариваться не можетъ. Но даже и въ осторожной,—сдѣланной послѣ начала войны,—редакціи германской бѣлой книги есть слѣды той же близорукой вѣры съ пассивность русскаго правительства. Германское правительство питалось заржавѣвшими отъ времени, совершенно лубочными представленіями, что въ Россіи есть двѣ силы и два теченія: „панславизмъ"—пресловутый „Panslavismus" временъ еще Бисмарка—и разумные консервативные верхи, традиціонно вѣрные Германіи, причемъ эти верхи и традиція, которую они представляли, безъ труда могутъ и должны справиться съ „панславизмомъ". Эта упрощенная картина современной Россіи—Россіи послѣ 1905—1906 гг.—составляетъ предпосылку той оцѣнки положенія, которую давалъ ф.-Бетманъ-Гольвегъ въ своемъ обращеніи къ союзнымъ правительствамъ въ разгаръ кризиса (15/28 іюля), обнародованномъ въ бѣлой книгѣ:

„Отдѣльные голоса въ Россіи", пишетъ канцлеръ, „видятъ само собой разумѣющееся право и задачу Россіи въ вмѣшательствѣ въ пользу Сербіи въ конфликтѣ между ней и Австро-Венгріей. За европейскую смуту, которая явится послѣдствіемъ такого шага Россіи, *Новое Время* дѣлаетъ отвѣтственнымъ Германію, поскольку она не побудитъ Австро-Венгрію къ уступчивости. Русская печать тѣмъ самымъ совершенно извращаетъ положеніе...

„Образъ дѣйствій имперскаго правительства въ этомъ вопросѣ намѣчается ясно. Агитація панславистовъ противъ Австро-Венгріи имѣетъ конечной цѣлью, путемъ разрушенія дунайской монархіи, добиться уничтоженія или ослабленія тройственнаго союза и, какъ слѣдствія, уединенія германской имперіи. Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи"...

Въ разгаръ кризиса участникъ событій, имѣвшій возможность сохранить наибольшее спокойствіе и объективность оцѣнокъ,—итальянскій министръ-иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди Санъ Джуліано, обсуждая опасность положенія, видѣлъ ее въ томъ, что „представлялось труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Россіи серьезны" (that Russia was in earnest)—(разговоръ съ англійскимъ посломъ 16/29 іюля). И тутъ же онъ давалъ понять, что Германія равнымъ образомъ не допускаетъ возможности вмѣшательства Англіи, и совѣтовалъ своему собесѣднику вывести Германію изъ этой увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, убѣжденіе въ необходимой пассивности Россіи сочеталось въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ кореннымъ заблужденіемъ относительно роли Франціи и

Англіи въ европейскомъ кризисѣ. Францію надѣялись запугать, а съ Англіей разсчитывали итти заодно на всемъ протяженіи кризиса.

Германскій посолъ въ Парижѣ, баронъ ф.-Шенъ, каждый день ѣздилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и можно прослѣдить за всѣми его попытками устрашенія Франціи. Первый визитъ намъ уже извѣстенъ: это визитъ 11/24 іюля, на другой день послѣ австрійскаго ультиматума, съ заявленіями о „локализаціи“ и о „разнообразныхъ союзныхъ обязательствахъ“. На слѣдующій день, когда въ газетахъ было напечатано о его „угрозахъ“, онъ пріѣхалъ, говорилъ, что „угрозы“ не было, но кончилъ словами: „Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи, и, конечно, разъ стрѣла выпущена, Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями“. Баронъ ф.-Шенъ лично, быть можетъ, и не стремился продолжать разговоръ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: онъ не новая фигура на европейской дипломатической сценѣ, и во время его министерства въ Берлинѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, франко-германскія отношенія были налажены удовлетворительно, но, видимо, въ Берлинѣ этимъ угрозамъ придавалось большое значеніе, ибо черезъ день послѣ его второго объясненія ему была отправлена канцлеромъ новая телеграфная инструкція, гдѣ было сказано, что на Россіи лежитъ отвѣтственность за европейскій миръ, и которая кончалась словами: „Мы возлагаемъ надежду на Францію, съ которой мы одинаково стремимся къ сохраненію европейскаго мира, въ томъ, что она употребитъ свое вліяніе на Россію въ успокоительномъ смыслѣ“. Посолъ поспѣшилъ выполнить приказаніе. Это третье заявленіе вызвало уже не только въ печати, но и въ правительствѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе: „Директоръ политическаго департамента“, телеграфируетъ въ этотъ день въ Петербургъ М. М. Севастопуло, „высказалъ, какъ личное мнѣніе, что послѣдовательныя германскія выступленія въ Парижѣ имѣютъ цѣлью запугать Францію и вызвать воздѣйствіе ея въ Петербургѣ“. 14/27 іюля ф.-Шенъ снова появился въ министерствѣ и уже письменно повторилъ, что раньше заявлялъ словесно. Впечатлѣніе осталось снова совершенно опредѣленное; на этотъ разъ его изложилъ вернувшемуся въ тотъ день въ Парижъ А. П. Извольскому министръ юстиціи Бьенвеню-Мартенъ, замѣнявшій Вивіани, такъ: „выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнною цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь французское правительство на путь представленій въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію“. Франко-германскіе разговоры такъ до конца и велись въ этомъ тонѣ устрашенія: наканунѣ войны, 16/29 іюля, канцлеръ приказывалъ ф.-Шену угрожать уже безъ обиняковъ военными мѣрами, а 18/31-го ф.-Шенъ потребовалъ

въ опредѣленный срокъ отвѣта, какое положеніе займетъ Франція въ русско-германской войнѣ, чтобы выслушать на слѣдующій день полный достоинства отвѣтъ Вивіани, что Франція поступитъ такъ, какъ ей повелѣваютъ ея интересы.

Разговоры съ Англіей велись совершенно иначе и обнаруживали, что расчетъ на ея невмѣшательство былъ построенъ на надеждѣ усыпить энергію англійскаго правительства мягкостью и миролюбіемъ австрійскихъ и германскихъ выступленій. Расчетъ былъ наивенъ, ибо Англію не могло ввести въ заблужденіе миролюбіе тона князя Лихновскаго и графа Менздорфа въ то время, какъ весь міръ кругомъ былъ наполненъ шумомъ угрозъ и бряцаніемъ оружія австрійцевъ и германцевъ. Наивность расчета особенно наглядно видна въ дѣятельности Менздорфа, австрійскаго посла въ Лондонѣ, который, повидимому, былъ совершенно неспособенъ усвоить себѣ обстановку. 12/25 іюля онъ пришелъ къ сэру Эдуарду Грею и формально, ссылаясь на приказанія своего правительства, объяснилъ, что выступленіе въ Бѣлградѣ не есть ультиматумъ, а есть лишь „démarche“ съ указаніемъ срока, а что если австрійскія требованія не получатъ удовлетворенія, то австро-венгерское правительство прервetъ дипломатическія отношенія и начнетъ военныя приготовленія, но не военныя дѣйствія. Сэръ Эдуардъ Грей поспѣшилъ протелеграфировать это заявленіе въ Парижъ и Петербургъ, прибавляя, что острота положенія скорѣе уменьшилась, и въ Вѣну, выражая полное удовлетвореніе по поводу рѣшенія Австро-Венгріи. Но уже на слѣдующій день со всѣхъ сторонъ стали приходить извѣстія, что война будетъ Австріей объявлена немедленно. Что могло быть результатомъ, кромѣ убѣжденія Грея въ неискренности австрійцевъ? Когда 14/27 іюля Менздорфъ пришелъ объяснить Грею, что Австро-Венгрія „вынуждена“ воевать съ Сербіей, онъ выслушалъ только слова суроваго упрека; но и въ этомъ второмъ разговорѣ проглядываетъ увѣренность, что добрымъ словомъ не трудно убаюкать Англію. „Высокое чувство справедливости британскаго народа и британскихъ государственныхъ людей“, убѣждалъ посолъ, „не позволитъ имъ осудить австрійское правительство за то, что оно мечомъ будетъ защищать свое достояніе... Австрійское правительство, полагаясь на дружескія отношенія съ нами (Англіей), чувствуетъ, что оно можетъ разсчитывать на наше сочувствіе въ борьбѣ, на которую его вынудили, и на нашу помощь для локализаціи борьбы въ случаѣ надобности“... Почти наканунѣ войны (16/29) Менздорфъ принесъ въ англійское министерство длинный меморандумъ, въ которомъ, по его словамъ, заключалось „полное объясненіе необходимости австрійскаго выступленія“; при всей корректности дипломатическихъ документовъ изъ отчета Грея объ этой бесѣдѣ видно, что на этотъ разъ собесѣдника взяла досада: „Я сказалъ“, пишетъ Грей, „что не имѣю никакого желанія обсу-

ждать, кто правъ въ вопросѣ между Австріей и Сербіей. Сегодняшнія извѣстія кажутся мнѣ очень дурными для европейскаго мира...“ Руководители и дѣятели германской политики еще въ большей степени, чѣмъ австрійцы, пребывали въ увѣренности, что Англія будетъ поддерживать ихъ въ теченіе всего кризиса, какъ бы далеко они ни пошли. Правда, эта увѣренность не выражалась въ столь наивной формѣ, какъ у Мендорфа,—германскій посолъ въ Лондонѣ, князь Лихновскій, велъ дѣло гораздо тоньше,—но ее также легко обнаружить. Достаточно прочесть самый, быть можетъ, любопытный документъ изъ всѣхъ обнародованныхъ въ связи съ войной—описаніе разрыва съ Германіей, сдѣланное англійскимъ посломъ сэромъ Э. Гошеномъ; вотъ описаніе послѣдняго свиданія Гошена съ имперскимъ канцлеромъ 22 іюля/30 августа. „Я нашелъ канцлера“, пишетъ посолъ, „въ большомъ волненіи. Его превосходительство сразу же началъ рѣчь (a harangue), которая длилась около 20 минутъ. Онъ сказалъ, что поступокъ правительства его величества до послѣдней степени ужасенъ; только изъ-за слова „нейтралитетъ“—слова, которое такъ часто нарушалось, только изъ-за листка бумаги Великобританія готова вести войну съ родственнымъ народомъ, который больше ничего не желалъ, какъ быть ея другомъ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи были сдѣланы безплодными этимъ послѣднимъ шагомъ, и политика, которой онъ, какъ я знаю, себя посвятилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, распалась, какъ карточный домикъ. То, что мы сдѣлали, невообразимо; это было ударомъ сзади въ человѣка, въ то время какъ онъ борется за свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ ужасныя событія, которыя могутъ случиться“... Сопоставимъ эти слова, въ которыхъ, черезъ сухой и дѣловой пересказъ Гошена, чувствуется вся глубина потрясенія, которое испытали въ Берлинѣ послѣ англійскаго ультиматума, съ тономъ того, что принцъ Генрихъ прусскій телеграфировалъ всего за шесть дней передъ тѣмъ и наканунѣ германскаго ультиматума Россіи (17/30) англійскому королю: „...теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, Германія и Англія должны оказать другъ другу взаимную поддержку для предотвращенія катастрофы, которая иначе кажется неотвратимой“, или съ тѣмъ, что писало германское правительство въ бѣлой книгѣ, розданной за нѣсколько часовъ до объявленія войны Англіей: „плечомъ къ плечу съ Великобританіей работали мы надъ посредничествомъ“. Здѣсь измѣряется вся глубина заблужденія, въ которомъ пребывали руководители германской политики, когда думали объ Англіи.

2.

Петербургъ.

То, что было задумано въ Вѣнѣ и санкціонировано въ Берлинѣ, не осуществилось, не осуществилось потому, что и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ все произошло не такъ, какъ ожидали. Въ Петербургѣ не капитулировали передъ угрозой Пурталеса, въ Парижѣ не устрашились ф.-Шена, въ Лондонѣ не повѣрили усердной вкрадчивости Менздорфа и Лихновскаго. Случилось большее: русская дипломатія объединила вокругъ своей политики—въ той или иной формѣ—въ сущности всю Европу. Повторилось то, что было въ Крымскую войну, только наоборотъ: европейскій крестовый походъ былъ объявленъ за Россію.

Едва ли когда-нибудь удастся съ полной точностью учесть, въ какой мѣрѣ достоинства нашей политики и въ какой—ошибки политики нашихъ противниковъ создали ту совершенно исключительную по своимъ выгодамъ международную обстановку, въ которой происходитъ война; такой результатъ былъ, конечно, достигнутъ сочетаніемъ этихъ достоинствъ и этихъ ошибокъ. Но мы уже теперь можемъ выяснить многіе факторы, вызвавшіе торжество русской политики.

Война есть великое нравственное испытаніе, въ которомъ неисчислимо значеніе нравственнаго достоинства поставленной цѣли. За насъ были моральныя цѣнности: благородство задачи, которую мы себѣ поставили въ началѣ кризиса, и сложившееся въ концѣ его сознаніе—не только наше собственное, но и переданное другимъ,—что не Россія вызвала грозную борьбу европейскихъ народовъ и ея тяжкія бѣдствія. Для каждаго изъ насъ и то, и другое положеніе ясны: они—тотъ нравственный фондъ, на который мы ведемъ войну. Теоретическимъ доказываніемъ и развитіемъ этихъ положеній для постороннихъ я заниматься не буду: я пишу не политическое оправданіе, а историческій обзоръ событій. Меня занимаетъ поэтому только то, какъ въ европейскихъ событіяхъ отразились два основныхъ моральныхъ фактора, руководившихъ русской политикой.

Если въ Вѣнѣ радовались ультиматуму и предстоявшей „карательной“ войнѣ съ маленькимъ сосѣдомъ, а въ Берлинѣ сухо и отчетливо удостовѣряли, что надо было бороться „съ некультурностью и преступною политическою моралью“ Сербіи (выраженіе памятной записки, которой открывается германская бѣлая книга) [1]), то, напротивъ того, въ Россіи ультиматумъ и война были встрѣчены сразу же, какъ актъ политически „безнравственный“. Германскій императоръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что русское правительство повиновалось стремле-

[1]) „Kampf gegen Unkultur und politische Verbrechermoral“.

ніямъ „ненасытнаго націонализма“. Всякій объективный наблюдатель событій въ Россіи долженъ засвидѣтельствовать, что чувство „неправды“ было гораздо ярче чувства „невыгоды“ при извѣстіи объ ультиматумѣ. Въ первомъ разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ тотчасъ послѣ полученія этого извѣстія, 11/24 іюля, первымъ словомъ министра было: „поведеніе Австріи—провокаторское и безнравственное“. „Политика Австріи“, повторилъ онъ ему же наканунѣ дня объявленія войны Германіей, „была все время коварной и безнравственной“. Въ телеграммѣ Государя Императора, отправленной императору Вильгельму 16/29 іюля, сказано: „Я радъ, что ты возвратился въ Германію. Въ этотъ серьезный моментъ настоятельно прошу тебя Мнѣ помочь. Постыдная война объявлена слабой странѣ, возмущеніе по этому поводу, которое я всецѣло раздѣляю, въ Россіи неслыханно. Я предвижу, что скоро Я не въ состояніи буду противостоять давленію, которое на Меня оказывается, и вынужденъ буду принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ. Чтобы избѣжать бѣдствія, какимъ будетъ европейская война, прошу тебя во имя Нашей старой дружбы, сдѣлать все, что можешь, дабы удержать твоего союзника отъ слишкомъ далеко идущихъ шаговъ“.

Чувство нравственнаго осужденія того, что затѣвала Австрія, было, конечно, не единственнымъ: оно соединялось съ мыслью, что Россіи замышляли нанести политическій ударъ; но нѣтъ сомнѣнія, что силу русскаго правительства въ началѣ кризиса создавала именно нравственная правота дѣла, которое она брала подъ свою защиту. Эта правота сознавалась и другими, и русская политика находила за границей первый естественный оплотъ въ этомъ сознаніи. И для Франціи, и для Англіи дѣло Сербіи было всетаки дѣломъ чужимъ. Когда Грею въ первый разъ пришлось говорить о возможности австрійскаго выступленія въ Бѣлградѣ еще до того, какъ оно послѣдовало, онъ уронилъ слѣдующую характерную фразу: „Я ненавижу мысль о войнѣ между какими-либо великими державами, и если одна изъ нихъ будетъ вовлечена въ войну Сербіей, то это будетъ отвратительно (would be detestable)“. Въ томъ первомъ послѣ ультиматума разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ, о которомъ я упоминалъ, послѣдній весьма твердо заявилъ, что „британскіе интересы въ Сербіи ничтожны и что война изъ-за этой страны никогда не будетъ освящена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ“. Эта отдаленность сербской проблемы отъ прямыхъ интересовъ Англіи, конечно, сознавалась въ Лондонѣ до конца кризиса, и тѣмъ не менѣе уже съ первыхъ его дней чувство измѣнилось: нравственная оцѣнка австрійскаго выступленія перестаетъ совпадать съ его оцѣнкой раціональной и политической, а всякій, кто сколько-нибудь знаетъ Англію, знаетъ, что значитъ такое расхожденіе для политики страны.

14/27 іюля Грей послѣдовательно говорилъ съ Лихновскимъ и Менздорфомъ, и тонъ этихъ двухъ разговоровъ невольно совпадалъ съ тѣмъ, что говорилось въ Россіи. „Сербскій отвѣтъ“, говорилъ Грей Лихновскому, „идетъ навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Германскій статсъ-секретарь самъ сказалъ, что въ австрійской нотѣ есть нѣкоторые пункты, принятія коихъ отъ Сербіи едва ли можно ожидать... Если Австрія отброситъ сербскій отвѣтъ, какъ ничего не стоящій, и вступитъ въ Сербію, то это значитъ, что она рѣшила раздавить Сербію во что бы то ни стало, не считаясь съ послѣдствіями, которыя это можетъ повлечь“. „Мнѣ кажется“, сказано было Менздорфу, „что сербскій отвѣтъ уже означаетъ величайшее униженіе Сербіи, какому, насколько знаю, никогда не подвергалась ни одна страна, и мнѣ очень досадно, что къ этому отвѣту австрійское правительство отнеслось такъ, какъ если бы онъ былъ неудовлетворительнымъ или чисто отрицательнымъ“.

Въ нашемъ распоряженіи сравнительно мало данныхъ относительно Франціи, но трудно сомнѣваться, что и въ Парижѣ было налицо, когда кризисъ открывался, достаточное равнодушіе къ чисто сербскому дѣлу, смѣнившееся совершенно яснымъ сознаніемъ неправоты Австріи, какъ только выяснилось, чего она домогается. Любопытная подробность: даже австрійскій посолъ въ Парижѣ оказался зараженнымъ этимъ настроеніемъ. Директоръ французскаго политическаго департамента сообщилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ М. М. Севастопуло 13/26 іюля, что, когда онъ передалъ австрійскому послу содержаніе сербскаго отвѣта на ультиматумъ, посолъ не скрылъ своего изумленія по поводу того, что Гизль [1]) имъ не удовлетворился.

Но сербскій вопросъ въ теченіе нѣсколькихъ дней превратился въ вопросъ европейскій, въ которомъ уже перестали играть роль всякія оцѣнки правоты и неправоты Австро-Венгріи или Сербіи. Конечно, то настроеніе, которое было вызвано сознаніемъ „безнравственности“ австрійской политики и „постыдности“ ея войны противъ маленькаго сосѣда, не пропало даромъ. Но въ исторіи кризиса несравненно большее значеніе получилъ второй факторъ, опредѣлявшій русскую политику—мысль, что она все сдѣлала для сохраненія мира и что не она вызвала войну.

Мы подходимъ здѣсь вплотную къ основному разнорѣчію въ оцѣнкѣ совершившагося: какъ извѣстно, Германія, объявляя намъ войну, утверждала, что только „принимала вызовъ“, а Австро-Венгрія, въ своемъ объявленіи, говорила, что „Россія, согласно сообщенію берлинскаго кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи“; потомъ на всѣ лады повторялось, что Россія, по выраженію имперскаго

---

[1]) Австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ.

канцлера въ рейхстагѣ, „подожгла домъ“, и, кажется, эту мысль удалось—конечно, на время—внушить и нѣмецкому общественному мнѣнію. Чтобы выяснить, гдѣ правда, надо остановиться на общемъ ходѣ переговоровъ.

12/25 іюля русское правительство обнародовало въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ австро-сербскому столкновенію; наканунѣ С. Д. Сазоновъ имѣлъ объясненіе съ графомъ Пурталесомъ, которое тотъ передалъ въ Берлинъ слѣдующей телеграммой: „Содержаніе вашего предписанія 592 я только что подробно развилъ въ продолжительной бесѣдѣ съ Сазоновымъ. Министръ разразился безмѣрными жалобами на Австро-Венгрію и былъ весьма возбужденъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ онъ заявилъ: Россія не можетъ допустить, чтобы австро-сербскій споръ разрѣшился между одними его участниками“. Положеніе было достаточно уяснено: съ 13/26 іюля всѣ знали, что австро-сербскій конфликтъ превратился въ конфликтъ между Россіей и Австро-Венгріей.

Мы знаемъ, какъ надѣялись разрѣшить этотъ конфликтъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, и знаемъ, что эти надежды не получили осуществленія. Разсчитывали на капитуляцію Россіи, которой не послѣдовало. Но развѣ только этотъ путь велъ къ миру и развѣ искреннее стремленіе сохранить миръ не должно было побуждать добросовѣстно испробовать и другіе пути? Австро-русскіе конфликты—не новость для современной Европы: они не прекращались съ 1907 г., съ того времени, какъ баронъ Эренталь выступилъ съ проектомъ соединенія боснійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ турецкими и какъ кончилось сотрудничество Россіи и Австро-Венгріи въ дѣлѣ македонскихъ реформъ; правда, часть этихъ конфликтовъ рѣшалась именно такъ, какъ хотѣли рѣшить возникшее 11/24 іюля столкновеніе—уступкой Россіи, но со временъ балканской войны 1912—1913 гг. дѣйствительность этого средства должна была, по справедливости, считаться сомнительной, и во всякомъ случаѣ пришлось испробовать другія, которыя дали удовлетворительные результаты. Съ декабря 1912 г. по мартъ 1913 г. тянулся споръ между Россіей и Австро-Венгріей о границахъ Албаніи и кончился взаимными уступками, облегченными посредничествомъ сэра Эдуарда Грея и князя Лихновскаго и непосредственными объясненіями между С. Д. Сазоновымъ и тогдашнимъ австро-венгерскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Турномъ.

Въ теченіе европейскаго кризиса въ минувшемъ іюлѣ русское правительство готово было принять всѣ пути разрѣшенія конфликта: ни одно предложеніе, клонившееся къ обезпеченію мира, не было отвергнуто. Напротивъ того, каждое изъ нихъ было отвергнуто или Австро-Венгріей, или Германіей или обоими союзниками вмѣстѣ. Этихъ предложеній выдвигалось довольно много, но за необыкновенно быстрымъ развитіемъ

событій часть ихъ отпадала, не поспѣвая даже созрѣть до точнаго выраженія. Ихъ можно пересчитать по очереди.

Первое, выдвинутое въ самомъ началѣ кризиса и уже по одному этому имѣвшее большіе шансы на успѣхъ, исходило отъ Грея. Оно было выражено имъ такъ: „Расположенъ ли министръ иностранныхъ дѣлъ"—предложеніе было обращено въ Парижъ, Берлинъ и Римъ—„дать инструкцію здѣшнему послу немедленно собраться здѣсь съ представителями Франціи, Италіи, Германіи и мною на конференцію съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ бы осложненія? Спросите министра иностранныхъ дѣлъ, согласенъ ли онъ на это; если да, то представители въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ должны быть уполномочены, доведя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія державъ, при которыхъ они аккредитованы, просить ихъ о недопущеніи какихъ бы то ни было активныхъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока будетъ засѣдать конференція" (13/26 іюля).

Предложеніе было принято Россіей, Франціей и Италіей и было отвергнуто Австро-Венгріей и Германіей. Повидимому, германскіе дипломаты чувствовали, что этотъ отказъ знаменовалъ собой очень многое и что онъ значительно уменьшалъ шансы мирнаго исхода. Мы можемъ прослѣдить по документамъ колебаніе Германіи, продолжавшееся однако одну минуту. Грей заговорилъ съ Лихновскимъ о своемъ предложеніи 12/25 іюля, еще до его окончательной формулировки: Лихновскій сказалъ, что Австрія не можетъ отступить отъ своихъ требованій Сербіи, но что, если намѣренія Грея сводятся къ посредничеству между Австріей и Россіей, то Австрія, сохраняя свое достоинство, могла бы его принять и что онъ, Лихновскій, ему сочувствуетъ. На это Лихновскому была послана имперскимъ канцлеромъ такая телеграмма: „Дѣлаемое сэромъ Эдуардомъ Греемъ различіе между австро-сербскимъ и австро-русскимъ конфликтами совершенно правильно. Мы такъ же мало, какъ Англія, желаемъ вмѣшиваться въ первый, и теперь, какъ и ранѣе, придерживаемся взгляда, что этотъ вопросъ долженъ быть тѣмъ локализированъ, что всѣ державы воздержатся отъ вмѣшательства. Поэтому наша настоятельная надежда, что Россія воздержится отъ всякаго активнаго выступленія въ сознаніи своей отвѣтственности и серьезности положенія. Мы готовы, если возникнетъ австро-русскій споръ, оговаривая наши извѣстныя союзныя обязательства, выступить совмѣстно съ другими великими державами съ посредничествомъ между Россіей и Австріей". Конечно, въ этомъ разсужденіи не было логики: „локализація" австро-сербскаго конфликта означала отсутствіе конфликта австро-русскаго, и тогда о какомъ посредничествѣ между Австріей и Россіей могла итти рѣчь? Но при недостаткѣ логики согласіе на по-

средничество все же было симптоматичнымъ для настроенія въ Берлинѣ въ первую минуту—мелькало сознаніе, что обстоятельства повелительно требовали итти навстрѣчу усиліямъ Грея сохранить миръ. Германское правительство въ предпосланной бѣлой книгѣ памятной запискѣ утверждало, что предложеніе Грея не увѣнчалось успѣхомъ изъ-за того, что его отклонила Австро-Венгрія. Документы доказываютъ, что это утвержденіе совершенно ложно. Предложеніе Грея было отвергнуто самой Германіей. Излагая его, Грей—весьма естественно послѣ разговора съ Лихновскимъ—съ большою тщательностью исключилъ всякій намекъ на то, что рѣчь шла о посредничествѣ въ австро-сербскомъ спорѣ: это было вполнѣ искренно при томъ сознательномъ равнодушіи къ сербскому вопросу, изъ котораго исходилъ Грей. При такихъ условіяхъ надо было ожидать, что инструкція имперскаго канцлера требовала принятія предложенія. И тѣмъ не менѣе предложеніе принято не было. Утромъ 14/27 іюля ф.-Бетманъ-Гольвегъ, повидимому, еще допускалъ возможность посредничества четырехъ державъ между Россіей и Австро-Венгріей [1]), и въ этотъ день, повинуясь его указаніямъ, Лихновскій выразилъ Грею принципіальное согласіе на это посредничество. Но нѣсколькими часами позднѣе настроеніе въ Берлинѣ рѣзко измѣнилось. Англійскій посолъ сэръ Э. Гошенъ и французскій Жюль Камбонъ выслушали рѣшительный отказъ ф.-Ягова принять предложеніе Грея. Первому онъ сказалъ, что конференція означаетъ третейскій судъ между Россіей и Австріей, который не можетъ состояться безъ просьбы этихъ двухъ государствъ, и что вообще она неосуществима, а второму отвѣтилъ въ еще болѣе категорической формѣ. Въ этой перемѣнѣ настроенія Вѣна была не отвѣтственна. Повидимому, утромъ того же дня, одновременно съ отправленіемъ въ Лондонъ первоначальнаго принципіальнаго согласія на посредничество, имперскій канцлеръ телеграфировалъ германскому послу въ Вѣнѣ Чиршкому о Греевскомъ предложеніи посредничества, не высказываясь отрицательно. Отвѣтъ изъ Вѣны пришелъ только на слѣдующій день, 15/28 іюля. Этотъ отвѣтъ былъ отказомъ („Графъ Берхтольдъ проситъ меня выразить вашему превосходительству искрен-

---

[1]) Въ бѣлой книгѣ германскаго правительства помѣщена слѣдующая телеграмма имперскаго канцлера князю Лихновскому 14/27 іюля: „О предложеніи сэра Эдуарда Грея собрать въ Лондонѣ четверную конференцію, здѣсь пока ничего не извѣстно. Мы не можемъ влечь нашего союзника въ его распрѣ съ Сербіей предъ европейскій судъ. Наша посредническая дѣятельность должна ограничиваться опасностью австро-русскаго конфликта". Надо полагать, что эта телеграмма есть отвѣтъ на необнародованный запросъ Лихновскаго о томъ, какъ ему отнестись къ предложенію Грея, которое было извѣстно въ Лондонѣ ранѣе его официальной передачи правительствомъ. При всей неясности указаній телеграммы она, конечно, не была отказомъ, и такъ ее и понялъ Лихновскій. Телеграмма Грея была отправлена изъ Лондона 13/26 вечеромъ и была сообщена ф.-Ягову, вѣроятно, лишь во второй половинѣ слѣдующаго дня.

нюю благодарность за сообщеніе англійскаго предложенія посредничества. Онъ замѣчаетъ однако при этомъ, что послѣ начатія военныхъ дѣйствій Сербіей и послѣ объявленія тѣмъ временемъ войны онъ долженъ смотрѣть на выступленіе Англіи, какъ на запоздавшее"), но отказъ Берхтольда сталъ извѣстенъ въ Берлинѣ гораздо позднѣе, чѣмъ Германія отвергла предложеніе Грея.

Предложеніе Грея было, вѣроятно, лучшимъ изъ намѣчавшихся средствъ мирной ликвидаціи спора. Отвѣтственности за его неудачу Россія не несла, и всѣ знали, что она падала на Германію.

Второй путь, который могъ вести къ миру, заключался въ непосредственныхъ переговорахъ между Россіей и Австро-Венгріей. Онъ также былъ добросовѣстно испробованъ русскимъ правительствомъ уже съ самаго начала кризиса. 13/26 іюля германскій посолъ въ Петербургѣ предложилъ С. Д. Сазонову повидать австро-венгерскаго посла, чтобы выяснить положеніе дружескими объясненіями. Графъ Сапари былъ въ тотъ же день у министра, который ему сказалъ, послѣ отдѣльныхъ замѣчаній относительно ультиматума, что въ интересахъ сохраненія мира, который одинаково дорогъ и для Австріи, какъ для всѣхъ державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ натянутому положенію; съ этой цѣлью казалось бы очень желательнымъ, чтобы австро-венгерскій посолъ былъ уполномоченъ войти съ нимъ въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей австрійской ноты 10 іюля; такимъ путемъ, быть можетъ, удалось бы найти формулу, которая, будучи пріемлемой для Сербіи, дала бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу. Сапари оказался не въ состояніи дать отвѣтъ; его далъ Берхтольдъ Н. Н. Шебеко по своемъ возвращеніи въ Вѣну 15/28 іюля. Этотъ отвѣтъ, которымъ разрывалась вторая нить, державшая миръ, изложенъ въ телеграммѣ посла такъ: „Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполнѣ сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что австро-венгерское правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Отвѣтъ Сербіи служитъ доказательствомъ неискренности ея завѣреній для будущаго, добавилъ министръ". Отказъ не могъ быть болѣе категорическимъ. И нельзя не сказать, что въ этомъ отказѣ отвѣтственность несетъ не только Австрія, но и германское правительство. Разговоръ съ Сапари происходилъ съ вѣдома и одобренія германскаго посла въ Петербургѣ, который сейчасъ же телеграфировалъ о немъ въ Берлинъ; въ Берлинѣ поспѣшили имъ воспользоваться, какъ однимъ изъ предлоговъ для того, чтобы провалить предложеніе Грея о четверной конференціи, но въ то же время

отказались поддержать въ Вѣнѣ необходимость продолженія разговоровъ, несмотря на то, что завѣдомо для германскаго правительства безъ его уговоровъ графъ Берхтольдъ долженъ былъ отвѣтить русскому правительству простымъ отказомъ: это неизбѣжно вытекало изъ принятаго ранѣе въ Берлинѣ и Вѣнѣ рѣшенія добиться „локализаціи“ австро-сербскаго спора. Отвѣтъ ф.-Ягова на просьбу русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о поддержкѣ великолѣпенъ: „Яговъ отвѣтилъ“, телеграфировалъ А. Н. Броневскій 14/27 іюля, „что онъ придерживается мнѣнія, выраженнаго Пурталесомъ, что разъ Сапари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ германскому послу въ Вѣнѣ. На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ итти въ этомъ примирительномъ направленіи, онъ возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступить“. Мы не знаемъ, была ли при такихъ условіяхъ ссылка на петербургскіе переговоры при отказѣ отъ англійскаго предложенія простой отпиской, вызывавшейся легкомысленной вѣрой въ уступчивость Россіи и въ торжество намѣченной дипломатической кампаніи, или же недобросовѣстной попыткой ввести въ заблужденіе Англію,—вѣроятнѣе второе, но несомнѣнно, что германскіе канцлеръ и государственный секретарь несутъ сугубую отвѣтственность за неуспѣхъ и первой, и второй попытки спасти миръ.

С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Сапари намѣчалъ еще и третій варіантъ переговоровъ о пересмотрѣ австрійскихъ требованій Сербіи: посредничество Англіи и Италіи. Мысль эта носилась въ воздухѣ и, казалось, подсказывалась обстановкой: Италія числилась еще въ составѣ тройственнаго союза, и портфель министра иностранныхъ дѣлъ находился въ рукахъ ди Санъ Джуліано, много сдѣлавшаго для укрѣпленія союза. Самъ ди Санъ Джуліано заговорилъ съ англійскимъ посломъ объ англо-итальянскомъ посредничествѣ послѣ того, какъ и предложеніе Грея, и предложеніе С. Д. Сазонова были отвергнуты, 16/29 іюля. Мы опредѣленно не знаемъ, предлагалъ ли онъ эту процедуру въ Берлинѣ и Вѣнѣ: это вѣроятно [1]), но надо полагать, что и она была отвергнута.

Этимъ попыткамъ найти выходъ изъ положенія, исходившимъ изъ Петербурга, Лондона и Рима, ни въ Австріи, ни въ Германіи не было противопоставлено ничего другого, кромѣ стремленія такъ или иначе устранить Россію изъ австро-сербскаго спора. Первоначальный замыселъ уже извѣстенъ: это—формула „локализаціи“ со всѣми ея послѣдствіями. Когда этотъ замыселъ не осуществился, и въ Россіи сказали,

---

1) На это намекаетъ послѣдняя часть телеграммы сэра Р. Родда отъ 16/29 іюля и его телеграмма 17/30 іюля.

что тамъ не намѣрены просто-напросто уйти изъ австро-сербскаго спора, надо было подумать о какой-нибудь уступкѣ. Но вмѣсто того, чтобы предложить что-нибудь реальное—согласиться на предложенія Грея или ди Санъ Джуліано или начать переговоры въ Петербургѣ, въ Берлинѣ рѣшили, что въ качествѣ уступки можно выдвинуть обѣщаніе Австро-Венгріи не присоединять къ себѣ сербской территоріи. Въ сущности тутъ никакой новой уступки не было: что Австро-Венгрія не присоединитъ къ себѣ сербской земли, было заявлено князю Н. А. Кудашеву въ первомъ же его объясненіи съ графомъ Берхтольдомъ, до отъѣзда послѣдняго въ Ишль. Но черезъ нѣсколько дней, тогда, когда уже ясно обозначился конфликтъ съ Россіей, обѣщаніе было выдвинуто опять, будто бы вызванное занятымъ Россіей положеніемъ. 13/26 іюля графъ Сапари въ уже извѣстной намъ бесѣдѣ съ С. Д. Сазоновымъ повторилъ слова Берхтольда Кудашеву; освѣдомившись о такомъ заявленіи, германскій канцлеръ поспѣшилъ отправить во всѣ столицы телеграммы, возвѣщавшія объ этомъ, какъ о событіи, рѣшительно измѣнявшемъ общее положеніе,—хотя онъ и зналъ, что обѣщаніе дано было Вѣной ранѣе всякаго вмѣшательства Россіи въ споръ и что, слѣдовательно, оно было учтено въ Петербургѣ до того, какъ рѣшеніе вмѣшаться было принято. И что характерно для пріемовъ германской дипломатіи,—выдавая заявленіе о „территоріальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи за ея готовность пойти навстрѣчу возраженіямъ Россіи, она снабжала эту „уступку“ новыми угрозами по русскому адресу. „Послѣ того какъ Австро-Венгрія официально заявила Россіи“, читаемъ въ телеграммѣ канцлера послу въ Парижѣ,—„что она не ищетъ территоріальныхъ приращеній, рѣшеніе, будетъ ли европейская война, лежитъ на Россіи, которая несетъ всю отвѣтственность“. Могли ли разговоры вестись въ этомъ тонѣ съ великими державами, въ Берлинѣ, повидимому, себя не спрашивали: выработанная привычкой вѣра въ спасительность угрозъ въ международныхъ дѣлахъ была такъ велика, что ими полны даже документы, предназначенные для внутренняго употребленія Германіи—о „тяжести отвѣтственности“ Россіи послѣ заявленія графа Берхтольда говорится въ томъ обращеніи германскаго канцлера къ союзнымъ германскимъ правительствамъ, которымъ имперія предупреждалась о серьезности международнаго положенія (15/28 іюля). Повтореніе германскихъ угрозъ подъ новымъ предлогомъ, конечно, не способно было измѣнить положеніе и ни на іоту не приближало къ разрѣшенію кризиса. „Территоріальная незаинтересованность“ Австро-Венгріи не отражалась на постановкѣ всего вопроса, выяснившейся съ отвѣтомъ Россіи на австрійскій ультиматумъ: рѣчь шла о суверенныхъ правахъ Сербіи, и противопоставленіе имъ „земельной неприкосновенности“ только подчеркивало значеніе австрійскаго выступленія, особенно

въ тотъ моментъ, когда сталъ извѣстенъ сербскій отвѣтъ на ультиматумъ, а Австрія тѣмъ не менѣе объявила ей войну и начала обстрѣлъ Бѣлграда. Естественно поэтому, что заявленія германскихъ дипломатовъ на тему о „территоріальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи не нашли и не могли найти отклика: въ нихъ видѣли, конечно, въ лучшемъ случаѣ только попытку обойти вопросъ, и уже во всякомъ случаѣ не выраженіе добросовѣстнаго исканія примирительнаго выхода. Въ документахъ записаны отвѣты, данные германскимъ посламъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Лондонѣ, судя по датамъ, вѣроятно, заранѣе не согласованные. Въ Парижѣ 15/28-го баронъ ф.-Шенъ заявилъ, что Австрія будетъ уважать неприкосновенность Сербіи, но, спрошенный, будетъ ли равнымъ образомъ уважаема независимость, онъ не далъ никакихъ увѣреній. Въ Лондонѣ 16/29-го князь Лихновскій сказалъ Грею, что Австрія не возьметъ сербской территоріи, на что Грей замѣтилъ, что, „не захватывая территоріи и оставляя номинальную сербскую независимость, Австрія можетъ на дѣлѣ обратить Сербію въ вассальное государство, а это отразится на всемъ положеніи Россіи на Балканахъ“. Въ Петербургѣ на слѣдующій день (17/30-го) разговоръ происходилъ такъ. Германскій посолъ спросилъ С. Д. Сазонова, не можетъ ли Россія удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла бы дать Австрія, не нарушать цѣлости сербскаго королевства, и указать, на какихъ условіяхъ она еще согласилась бы пріостановить вооруженія; министръ продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ слѣдующее заявленіе: если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія.

Такимъ образомъ, пять дней изъ восьми, въ теченіе которыхъ мирный исходъ могъ быть найденъ, Германія потратила на защиту предложенія, которое Россіей завѣдомо не могло быть принято. Германскіе дипломаты не хотѣли или не умѣли отдать себѣ отчета, что принятіе условія, которое ими выдавалось за австрійскую „уступку“, для Россіи при создавшейся обстановкѣ равнялось капитуляціи, а простое предложеніе капитулировать не было исканіемъ мирнаго выхода. Оно не ввело въ заблужденіе ни Парижа, ни Лондона: миролюбіе Россіи не было заподозрѣно оттого, что она не преклонилась передъ угрозой, которой хотѣли придать несвойственное ей „мирное“ значеніе.

3.

Берлинъ.

Европейская война, конечно, не была цѣликомъ обусловлена ни тѣмъ, что задумала Австро-Венгрія, ни тѣмъ, какъ отнеслась къ этому замыслу

Россія, ни тѣмъ, какъ были встрѣчены намѣчавшіяся мирныя предложенія. Все это создавало только обстановку, въ которой развивались событія, лишь опредѣляло направленіе этихъ событій; для того, чтобы война возникла, надо было, чтобы одно изъ государствъ рѣшилось ее начать. Мы знаемъ, что съ внѣшней стороны это рѣшеніе было принято Германіей, которая 19 іюля/1 августа объявила войну Россіи. Я хочу показать, что это не было только внѣшней иниціативой, но что и на дѣлѣ война была начата Берлиномъ и что на германскомъ правительствѣ—даже не на Австріи—лежитъ прямая и непосредственная за нее отвѣтственность.

Въ исторіи тринадцати дней, которую я разсказываю, при внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживается минута, когда совершается окончательный поворотъ къ войнѣ, и послѣдняя становится неизбѣжной. И послѣ этой поворотной точки продолжаютъ говорить о мирѣ, наскоро выдвигаютъ какія-то примирительныя предложенія, но дѣло мира уже проиграно. Я считаю, что она падаетъ хронологически на 14/27 и 15/28 іюля. Австро-русскій конфликтъ къ этому времени получаетъ нѣсколько болѣе яркое выраженіе—Австрія объявляетъ войну Сербіи и производитъ частную мобилизацію 15/28 іюля, на которую Россія отвѣчаетъ частной же мобилизаціей 16/29 іюля, но дѣло уже не въ австро-русскомъ конфликтѣ. За сутки отъ второй половины дня 14/27-го до вечера 15/28-го происходитъ рѣшительный поворотъ настроенія въ Берлинѣ. Мы видѣли, какъ еще утромъ 14/27-го германское правительство готово было принять мирную формулу Грея и какъ во второй половинѣ дня эта формула была рѣзко отвергнута и одновременно русскому повѣренному въ дѣлахъ отказано поддержать необходимость австро-русскихъ объясненій въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ созрѣли какія-то новыя рѣшенія,—рѣшенія, вылившіяся въ двухъ документахъ большой важности.

Одинъ изъ нихъ — инструкція, отправленная графу Пурталесу 15/28 іюля—намъ въ подлинникѣ не извѣстенъ: онъ не вошелъ въ германскую бѣлую книгу и не вошелъ по причинамъ довольно понятнымъ. Но мы знаемъ, какъ посолъ эту инструкцію выполнилъ, и отсюда узнаемъ ея содержаніе. Этой инструкціей графу Пурталесу было предписано передать русскому правительству угрозу германской мобилизаціей. Такая угроза появляется здѣсь впервые; правда, и предшествующія объясненія германскихъ дипломатовъ выдержаны были въ тонѣ устрашенія, но до 15/28-го словъ: германская мобилизація, произнесено не было. Мы знаемъ, что значатъ эти слова: 18-го въ полночь Германія сказала, что она мобилизуетъ на слѣдующій день, а на слѣдующій день была объявлена война; основанное на военныхъ соображеніяхъ равенство для Германіи войны и мобилизаціи было, конечно, извѣстно въ Берлинѣ 15/28-го такъ же хорошо, какъ 18/31-го.

Поэтому посланная 15/28-го инструкція графу Пурталесу, несомнѣнно, означала рѣшимость воевать. У насъ двѣ записи разговора посла съ министромъ, сдѣланныя обоими собесѣдниками въ отправленныхъ ими телеграммахъ. Запись С. Д. Сазонова кратка: „Сегодня германскій посолъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій...“ Запись посла болѣе подробна, но, надо полагать, въ германской бѣлой книгѣ воспроизведена не цѣликомъ и тѣмъ значительно смягчена [1]). Разговоръ, мы знаемъ, начался съ того, что Пурталесъ передалъ угрозу мобилизаціи. „Министръ пытался“, доноситъ Пурталесъ, „убѣдить меня высказаться передъ моимъ правительствомъ за участіе въ разговорѣ вчетверомъ, дабы найти средство дружественнымъ образомъ побудить Австро-Венгрію отказаться отъ требованій, противорѣчащихъ державности Сербіи. Я, обѣщавъ лишь передачу разговора, сталъ на ту точку зрѣнія, что послѣ того, какъ Россія рѣшилась на опасный шагъ мобилизаціи, мнѣ кажется всякій обмѣнъ мнѣній весьма затруднительнымъ, если не невозможнымъ. То, что Россія теперь требуетъ отъ насъ относительно Австро-Венгріи, заключается въ томъ же, въ чемъ Австро-Венгрію упрекали относительно Сербіи: покушеніе на права суверенитета; Австро-Венгрія обѣщала, заявивъ о своей территоріальной незаинтересованности, принять во вниманіе русскіе интересы,—большая уступка со стороны воюющаго государства. Поэтому надо предоставить двуединой монархіи одной уладить свое дѣло съ Сербіей. Всегда будетъ время при заключеніи мирнаго договора вернуться къ огражденію сербскаго суверенитета. Очень серьезно я добавилъ, что въ настоящее время все австро-сербское дѣло уходитъ на второй планъ сравнительно съ опасностью европейскаго пожара, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы показать воочію министру всю величину этой опасности. Было невозможно разубѣдить Сазонова въ томъ, что Россія не можетъ оставить Сербію безъ помощи“.

Одновременно съ посылкой инструкцій графу Пурталесу и въ сознаніи серьезности принятаго рѣшенія германскій имперскій канцлеръ обратился 15/28 іюля съ конфиденціальнымъ циркуляромъ ко всѣмъ союзнымъ германскимъ правительствамъ, предупреждавшимъ о предстоявшей войнѣ. Въ этомъ циркулярѣ канцлеръ естественно не сознавался и не могъ сознаваться, что въ Берлинѣ рѣшились воевать; какъ

---

[1]) Бѣлая книга состоитъ изъ мемуара и документовъ. Нѣкоторые документы введены въ составъ мемуара и цѣликомъ не воспроизведены, очевидно, съ цѣлью облегченія ихъ переработки въ мемуарѣ. Къ числу этихъ документовъ, подвергшихся переработкѣ, относится и телеграмма Пурталеса 16/29 іюля, помѣщенная въ составѣ мемуара. Она начинается съ возраженій С. Д. Сазонова и, очевидно, опускаетъ заявленіе Пурталеса, съ котораго разговоръ начался.

всѣ документы, исходившіе изъ его канцеляріи, и этотъ циркуляръ старается доказать, что война навязана Германіи. Но самая отправка циркуляра, вызванная сознанной именно въ эту минуту необходимостью предупредить о войнѣ, и то, что въ немъ было написано, показываютъ не менѣе опредѣленно, чѣмъ инструкція Пурталесу, что рѣшимость перейти линію, отдѣлявшую миръ отъ войны, созрѣла въ эту минуту въ Берлинѣ. „Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“, писалъ канцлеръ. „Обязанность по возможности охранить Европу отъ всеобщей войны въ то же время побуждаетъ насъ поддерживать тѣ стремленія, которыя направлены на локализацію конфликта, въ соотвѣтствіи съ той линіей поведенія, которой мы придерживались въ теченіе 44 лѣтъ въ интересахъ сохраненія европейскаго мира. Если однако противъ ожиданія вслѣдствіе выступленія Россіи пожаръ распространится, то, вѣрные нашимъ союзнымъ обязанностямъ, мы поможемъ сосѣдней монархіи всѣми силами имперіи. Только вынужденные мы возьмемся за мечъ, но тогда въ спокойномъ сознаніи, что мы не несемъ отвѣтственности за бѣдствіе, которое для народовъ Европы принесетъ война“. Когда обнажаешь мысль, лежащую въ основѣ этихъ, призванныхъ будить патріотизмъ, фразъ, то она совершенно ясна: или „локализація“ австро-сербскаго спора, или война съ Россіей. Мы знаемъ, что, когда писался циркуляръ, „локализація“ объективно была уже невозможна и вмѣшательство Россіи было совершившимся фактомъ. Поставленная такъ альтернатива означала рѣшимость итти на войну. При этихъ условіяхъ отказъ Германіи отъ всѣхъ попытокъ найти мирный исходъ изъ кризиса совершенно понятенъ. Съ 14/27-го на 15/28-ое въ Берлинѣ созрѣла готовность воевать, если Россія не капитулируетъ совершенно открыто и недвусмысленно: объ этомъ предупредили союзныя правительства, и это заявили въ Петербургѣ.

Чѣмъ была вызвана эта рѣшимость и почему она сложилась именно въ этотъ моментъ? Международное положеніе, созданное 11/24 іюля, послѣ отвѣта Россіи на ультиматумъ Австріи, въ основѣ своей оставалось въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ дней неизмѣннымъ. Русское veto было съ самаго начала совершенно категоричнымъ и недвусмысленнымъ. Политически ничего новаго не могла внести въ это положеніе вызванная началомъ военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи частная мобилизація Россіи. Объ этой частной мобилизаціи Германія была заранѣе предупреждена съ такой же откровенностью, съ какой ей были объяснены мотивы вмѣшательства въ австро-сербскій конфликтъ: 14/27 іюля, по просьбѣ С. Д. Сазонова, военный министръ В. А. Сухомлиновъ пригласилъ къ себѣ германскаго военнаго агента и сказалъ ему, что при переходѣ Австро-Венгріей сербской границы въ Россіи будутъ мобилизо-

ваны Кіевскій, Одесскій, Московскій и Казанскій округа. Если при этихъ условіяхъ въ Берлинѣ сложилась 14/27—15/28 іюля рѣшимость воевать, то причина, очевидно, лежала именно въ самомъ Берлинѣ. Единственное новое, что тамъ произошло, было возвращеніе императора изъ норвежскихъ фіордовъ. Помощникъ германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Циммерманъ, говорилъ сэру Э. Гошену за нѣсколько часовъ до пріѣзда императора, что „министерство иностранныхъ дѣлъ сожалѣетъ объ этомъ шагѣ, рѣшенномъ по собственному почину его величества"; опытный чиновникъ чувствовалъ, что съ появленіемъ на сценѣ императора положеніе осложнится. И оно въ самомъ дѣлѣ осложнилось. Канцлеръ и ф-.Яговъ ничего серьезнаго не сдѣлали для улаженія европейскаго конфликта, но они не отказывались плести дипломатическое кружево, дѣлая это грубовато и непріятно, но всетаки не рѣшаясь разорвать нитей мира. Императоръ взялъ дѣло въ свои руки и, со свойственной ему импульсивностью, круто повернулъ въ сторону войны.

Я не хочу утверждать, что эта рѣшимость не останавливаться передъ войной съ Россіей равнялась уже въ тотъ моментъ окончательному рѣшенію начать войну съ нею. Но изъ рѣшимости весьма быстро выросло рѣшеніе. Два-три дня, которые отдѣляютъ отправку циркуляра союзнымъ правительствамъ и инструкцій послу въ Петербургѣ отъ ультиматума Россіи, были посвящены Германіей лихорадочной дипломатической работѣ, которая шла въ разныхъ направленіяхъ и преслѣдовала разныя задачи; но каждый ея шагъ за эти дни совершается по той новой дорогѣ, которую выбралъ императоръ и которая неминуемо ведетъ къ войнѣ.

Основная забота этихъ дней—нейтралитетъ Англіи. Для его обезпеченія прилагаются всѣ старанія. Другая забота—поставить дѣло съ внѣшней стороны такъ, чтобы въ странѣ могло сложиться впечатлѣніе, будто война начата Россіей. Эти два мотива легко сливаются: доказать миролюбіе Германіи кажется одинаково полезнымъ и тамъ, и тутъ. Рѣшивъ или заставить Россію капитулировать, или объявить ей войну, Германія отвергла предложеніе Грея, какъ не ведшее къ капитуляціи; но оставить на себѣ odium разрушенія послѣднихъ надеждъ на мирный исходъ кризиса было крайне невыгодно; Англія настойчиво и много разъ выражала надежду на германскую помощь для охраны мира, и съ этимъ призывомъ король Георгъ V лично обратился къ принцу Генриху прусскому, который находился въ Лондонѣ въ началѣ кризиса. Поэтому 15/28-го имперскій канцлеръ позвалъ къ себѣ англійскаго посла и, извиняясь за отказъ принять предложеніе Грея, старался увѣрить его, что Германія дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы побудить Петербургъ и Вѣну дружески сговориться. На слѣдующее утро онъ снова

его вызвалъ и заявилъ, что, къ сожалѣнію, изъ его попытки ничего не вышло, но что онъ вновь телеграфируетъ въ Вѣну. Канцлеръ такъ излагалъ смыслъ этого новаго обращенія: „онъ заявилъ, что, хотя, по его мнѣнію, въ сербской нотѣ обнаруживается желаніе итти навстрѣчу требованіямъ Австріи, однако онъ понимаетъ, что безъ нѣкоторыхъ прочныхъ гарантій того, что Сербія исполнитъ предъявленныя къ ней требованія во всей ихъ полнотѣ, австро-венгерское правительство не можетъ оставаться удовлетвореннымъ въ виду своего стараго опыта. Онъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что враждебныя дѣйствія, которыя вскорѣ будутъ предприняты противъ Сербіи, завѣдомо имѣютъ своей задачей исключительно обезпеченіе такихъ гарантій, такъ какъ австрійское правительство уже завѣрило русское правительство въ отсутствіи видовъ на территоріальныя пріобрѣтенія. Онъ посовѣтовалъ австро-венгерскому правительству, если такой взглядъ правиленъ, открыто высказаться въ этомъ смыслѣ. Такое заявленіе, какъ онъ надѣется, устранитъ всякія недоразумѣнія“.

Германское правительство, несмотря на свое стремленіе доказать, что оно исполняло съ рвеніемъ „посредническую роль“ между Россіей и Австро-Венгріей, не обнародовало этой телеграммы канцлера въ Вѣну. Возможно, что въ ней было сказано меньше или иначе, чѣмъ это выходило изъ изложенія ф.-Бетманъ-Гольвега сэру Э. Гошену. Телеграмма преслѣдовала совершенно опредѣленную цѣль—создать внѣшнее впечатлѣніе. Разсказывая о ней Гошену, канцлеръ съ нѣкоторой наивностью почти признался въ этомъ. „То обстоятельство“, пересказываетъ Гошенъ заключительныя слова канцлера въ своей телеграммѣ сэру Эдуарду Грею, „что онъ освѣдомляетъ васъ о своемъ сообщеніи, служитъ доказательствомъ довѣрія, которое онъ къ вамъ питаетъ, а равно и его заботы о томъ, чтобы вы знали, что онъ старался поддержать изо всѣхъ силъ ваши усилія въ интересахъ всеобщаго мира,—усилія, которыя онъ искренно цѣнитъ“. Германское правительство не удовольствовалось тѣмъ, что представило свою телеграмму въ качествѣ посредническаго акта въ Лондонѣ; оно пожелало ее использовать еще и съ другою цѣлью. Надо было въ виду предстоящей войны имѣть возможность доказывать, въ случаѣ надобности, что Германія не только угрожала въ Петербургѣ, но и указывала Россіи мирный выходъ изъ европейскаго конфликта. Въ этомъ, на мой взглядъ, ключъ къ телеграммамъ императора Вильгельма Государю. Починъ этихъ телеграммъ принадлежалъ императору. 15/28-го іюля, вѣроятно, одновременно съ телеграммой канцлера въ Вѣну, была отправлена первая. Ссылаясь на старинную дружбу, императоръ сообщалъ, что „употребляетъ все свое вліяніе, чтобы побудить Австро-Венгрію пойти на открытое и удовлетворительнае соглашеніе съ Россіей“. Въ отвѣтѣ 16/29-го іюля, который

я уже приводилъ выше, была выражена надежда, что императоръ сдѣлаетъ все, чтобы умѣрить Австрію. На это сейчасъ же была отправлена новая телеграмма, въ которой заявлялось, что, будто бы, вслѣдствіе обращенія Государя, императоръ бралъ на себя „посредничество“ въ австро-русскомъ спорѣ,—о посредничествѣ раньше ничего не говорилось,—и одновременно не только рѣзко и рѣшительно намѣчались основанія этого посредничества, которыя были, какъ мы увидимъ, для Россіи непріемлемы, но, сверхъ того, содержалась угроза — отказаться отъ посредничества, если Россіей будутъ приняты военныя мѣры, опасныя для Австро-Венгріи. Такимъ довольно грубымъ пріемомъ должна была создаться слѣдующая обстановка: Россія просила посредничества Германіи, Германія на это посредничество согласилась, но Россія, не дожидаясь его результатовъ, ускорила свои военныя приготовленія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Германскій императоръ, въ стремленіи заранѣе перемѣстить отвѣтственность, по собственному почину заявилъ, что старается воздѣйствовать на Вѣну, не обозначая въ точности, въ чемъ будетъ заключаться воздѣйствіе,—онъ имѣлъ въ виду телеграмму канцлера въ Вѣну, но не изложилъ даже общаго ея смысла; Государь просилъ въ отвѣтъ дѣйствовать умѣряюще на австрійское правительство. Истинный смыслъ перваго обращенія къ Государю—желаніе подготовить внѣшній эффектъ обнаружилось сейчасъ же: въ своей второй телеграммѣ императоръ поспѣшилъ поставить такія условія, которыя оказались замаскированной угрозой. Телеграмма канцлера въ Вѣну, которой спѣшили воспользоваться и для внушенія ложнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ, и для несправедливаго переложенія общей отвѣтственности за рѣшенную въ принципѣ войну на Петербургъ, въ самомъ дѣлѣ представляла собой лишь новый пересказъ того, что Германія неустанно выдавала за свое примирительное предложеніе, пересказъ пресловутой „территоріальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи: Сербія принимала весь ультиматумъ, давала гарантіи его исполненія, а зато Австрія объявляла своимъ намѣреніемъ не требовать ничего другого, кромѣ „гарантій“. Еще не получивъ никакого отвѣта изъ Вѣны, императоръ Вильгельмъ бралъ подъ свою защиту это будущее заявленіе австрійскаго правительства и повторялъ заявленіе, только что сдѣланное Пурталесомъ С. Д. Сазонову. „По моему мнѣнію“, говорилось въ телеграммѣ 16/29 іюля, „на выступленіе Австро-Венгріи надо смотрѣть, какъ на попытку добиться полной гарантіи, что обѣщанія Сербіи будутъ превращены въ дѣйствія. Въ этомъ мнѣніи меня укрѣпляетъ объявленіе австрійскаго кабинета, что Австро-Венгрія не замышляетъ никакихъ территоріальныхъ завоеваній за счетъ Сербіи. Я думаю поэтому, что Россія вполнѣ можетъ сохранить роль зрителя въ австро-сербской войнѣ, не вовлекая Европу въ ужаснѣйшую войну, когда-либо ею пере-

живавшуюся. Я думаю, что прямое соглашеніе между Твоимъ правительствомъ и Вѣною возможно и желательно, соглашеніе, которое—какъ я уже Тебѣ телеграфировалъ,—мое правительство старается облегчить всѣми силами. Естественно военныя мѣры Россіи, въ которыхъ Австро-Венгрія могла бы усмотрѣть угрозу, ускорятъ несчастье, которое мы оба хотимъ избѣжать, и похоронятъ мое положеніе, какъ посредника, которое я,—въ виду Твоего призыва къ моей дружбѣ и помощи,—съ готовностью принялъ". Та же альтернатива: война или капитуляція Россіи, но скрытая въ попыткѣ возложить отвѣтственность войны на послѣднюю.

Рѣшимость воевать, если Россія не помирится съ австрійской политикой, приводила германское правительство не только къ этимъ стараніямъ снять съ себя, съ внѣшней стороны, отвѣтственность за войну, но еще къ поспѣшному обезпеченію своихъ дипломатическихъ фланговъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что благопріятныя дипломатическія условія большой войны не могутъ быть созданы за два дня до ея объявленія, императоръ Вильгельмъ и имперскій канцлеръ, превратившійся въ простого исполнителя воли императора, безъ колебаній принялись за эту задачу. Она, конечно, оказалась имъ не по плечу: не только ничего не было достигнуто, но было проявлено такое отсутствіе политическаго чутья, такая грубость пріемовъ, что результатъ получился обратный.

Первая мысль была, естественно, обезпеченіе англійскаго нейтралитета. 16/29 іюля имперскій канцлеръ, вернувшись изъ Потсдама, вторично вызвалъ къ себѣ уже бывшаго у него въ этотъ день англійскаго посла и сказалъ ему, что, если Россія нападетъ на Австрію, то, онъ опасается, возникнетъ европейская война; канцлеръ твердо уповаетъ на британскій нейтралитетъ; насколько онъ понимаетъ, Англія не можетъ остаться равнодушной къ разгрому Франціи, но не такова цѣль Германіи; если Англія обѣщаетъ свой нейтралитетъ, то Германія готова дать обязательство британскому правительству не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи въ случаѣ удачной войны. Выслушавъ эти неожиданныя заявленія, сэръ Э. Гошенъ спросилъ о французскихъ колоніяхъ. Канцлеръ отвѣтилъ, что не въ состояніи дать въ этомъ отношеніи одинаковое обязательство. Но онъ поспѣшилъ прибавить, что голландскій нейтралитетъ нарушенъ не будетъ, и что если дѣйствія Франціи вызовутъ необходимость войти въ Бельгію, то неприкосновенность ея территоріи останется признанной, развѣ бы страна стала на сторону враговъ Германіи. Потомъ канцлеръ сталъ говорить, что онъ мечтаетъ объ общемъ соглашеніи относительно взаимнаго нейтралитета съ Германіей и видѣлъ бы въ предложенной имъ сдѣлкѣ первый шагъ на этомъ пути. Посолъ замѣтилъ, что едва ли сэръ Эдуардъ Грей пожелаетъ въ эту минуту связать свободу дѣйствій Англіи, но обѣщалъ передать заявленіе канцлера въ Лондонъ.

Въ тотъ самый день, когда эти предложенія дѣлались Гошену въ Берлинѣ, въ Лондонѣ сэръ Эдуардъ Грей разговаривалъ съ княземъ Лихновскимъ на ту же тему—о вѣроятности европейской борьбы и о роли въ ней Англіи. Но какъ далекъ былъ этотъ разговоръ отъ того, что предлагалось въ Берлинѣ. „Положеніе очень серьезно", говорилъ Грей. „Пока дѣло ограничивалось наличными спорами, мы и не думали въ нихъ вмѣшиваться. Но если Германія окажется въ нихъ вовлеченной, а за ней Франція, споръ станетъ такъ значителенъ, что онъ будетъ связанъ со всѣми европейскими интересами. Я не хочу, чтобы дружественный тонъ нашего разговора,—который, я надѣюсь, не измѣнится,—ввелъ въ заблужденіе, что мы останемся въ сторонѣ... Я не хочу прибѣгать къ чему-либо похожему на угрозу или пытаться оказать давленіе, заявляя, что если дѣла пойдутъ хуже, мы вмѣшаемся. Не можетъ быть и рѣчи о вмѣшательствѣ, если Германія не будетъ вовлечена, или даже если Франція не будетъ вовлечена въ борьбу. Но мы хорошо знаемъ, что, если положеніе будетъ таково, что мы будемъ считать вмѣшательство необходимымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, намъ придется вмѣшаться сразу же и наше рѣшеніе будетъ быстрымъ такъ же, какъ и рѣшенія другихъ державъ".

Еще до полученія отвѣта Грея на предложенную ему сдѣлку имперскій канцлеръ узналъ изъ телеграммы Лихновскаго содержаніе этой бесѣды; увидѣвъ англійскаго посла, онъ сказалъ ему, что, если бы раньше имѣлъ эту телеграмму, то не говорилъ бы съ нимъ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Несмотря на полный недостатокъ чутья, даже ф.-Бетманъ-Гольвегъ понялъ, насколько неумѣстны и безцѣльны были его изліянія. Отвѣтъ Грея пришелъ уже тогда, когда война съ Россіей и Франціей была рѣшена; канцлеръ, слушая его, былъ въ такомъ волненіи, что, повидимому, плохо его понималъ; но одного этого отвѣта достаточно для характеристики политическаго пониманія руководителей судебъ Германіи, самодовольно мечтавшихъ вертѣть Европой, гдѣ угрозами, а гдѣ двусмысленными обѣщаніями.

Этотъ отвѣтъ Грея настолько интересенъ, онъ такъ великолѣпно выраженъ, такъ точно объясняетъ мотивы англійской политики, что его хочется привести цѣликомъ. „Правительство его величества ни на минуту не можетъ допустить объясненій относительно предложенія канцлера обязаться на указанныхъ условіяхъ соблюдать нейтралитетъ. То, что онъ намъ предлагаетъ, на дѣлѣ значитъ обязаться стоять въ сторонѣ, пока будутъ захватываться французскія колоніи, а Франція будетъ разбита, поскольку только Германія не присоединитъ къ себѣ французской территоріи, не считая притомъ колоній. По существу это предложеніе непріемлемо, такъ какъ Франція, даже если ея европейская территорія не будетъ отъ нея отнята, можетъ быть до того раз-

давлена, что потеряетъ свое положеніе великой державы и сдѣлается подвластной германской политикѣ. Помимо этого, вообще было бы позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи,— позоромъ, послѣ котораго доброе имя нашей страны никогда не было бы возстановлено. Канцлеръ предлагаетъ намъ также вступить въ торгъ относительно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи бельгійскаго нейтралитета. И на этотъ торгъ мы согласиться не можемъ. Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности разсматривать, представляетъ ли предположеніе будущаго соглашенія объ общемъ нейтралитетѣ между Англіей и Германіей какія-либо положительныя выгоды, достаточныя для насъ въ качествѣ вознагражденія за то, что мы теперь свяжемъ себѣ руки. Мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствовать такъ, какъ отъ насъ могутъ потребовать обстоятельства неблагопріятнаго и прискорбнаго развитія настоящаго кризиса, которое и имѣетъ въ виду канцлеръ. Объяснитесь въ этомъ смыслѣ съ канцлеромъ и прибавьте самымъ серьезнымъ образомъ, что единственный путь поддержать добрыя отношенія между Англіей и Германіей—это продолжать совмѣстно дѣйствовать для сохраненія европейскаго мира; если мы въ этомъ успѣемъ, то взаимныя отношенія Германіи и Англіи будутъ, я увѣренъ, тѣмъ самымъ улучшены и закрѣплены. Ради этой цѣли правительство его величества будетъ дѣйствовать на этомъ пути съ полной искренностью и добросовѣстностью. И скажу еще слѣдующее: если миръ Европы будетъ сохраненъ и настоящій кризисъ благополучно минуетъ, я самъ буду искать созданія какого-либо соглашенія, въ которомъ Германія приняла бы участіе, гдѣ ей было бы обезпечено, что ни по отношенію къ ней, ни къ ея союзникамъ Франція, Россія и мы сами, ни совмѣстно, ни въ отдѣльности, не будемъ преслѣдовать агрессивной или враждебной политики. Я этого желалъ и работалъ для этого, какъ могъ, въ теченіе послѣдняго балканскаго кризиса, и такъ какъ Германія преслѣдовала ту же цѣль, то наши отношенія замѣтно улучшились. Эта мысль до сихъ поръ была слишкомъ утопической, чтобы сдѣлать ее предметомъ окончательныхъ предложеній, но если настоящій кризисъ, несравненно болѣе острый, чѣмъ все, что Европа переживала въ теченіе ряда поколѣній, благополучно минуетъ, то, надѣюсь, чувство облегченія и реакціи, которое за нимъ послѣдуетъ, можетъ сдѣлать возможнымъ болѣе опредѣленное сближеніе между державами, чѣмъ было мыслимо до сихъ поръ".

Итакъ, 15/28-го въ Берлинѣ окончательно созрѣла рѣшимость воевать; день 16/29-го былъ посвященъ попыткамъ ввести въ заблужденіе Англію, переложить отвѣтственность за войну на Россію и вступить съ Греемъ въ торгъ, который показался тому позорнымъ. При этихъ условіяхъ, конечно, меньше всего думали о томъ, что выйдетъ изъ той

телеграммы, которую въ полномъ смыслѣ слова для отвода глазъ отправилъ канцлеръ въ Вѣну. Въ Берлинѣ не могли не знать, что германскій посолъ въ Вѣнѣ, который, по выраженію своего англійскаго товарища, „отождествилъ себя съ крайнимъ антирусскимъ и антисербскимъ настроеніемъ, господствующимъ въ Вѣнѣ“, не приложитъ особыхъ стараній, чтобы вложить въ телеграмму канцлера искренняго примирительнаго содержанія. И нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, что отвѣта изъ Вѣны ждали и придавали ему какое-нибудь значеніе. Въ день отправки телеграммы императоръ Вильгельмъ въ своемъ обращеніи къ Государю опредѣлилъ самъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что могло прійти изъ Вѣны, условія мира, равнявшіяся, мы знаемъ, капитуляціи Россіи; 17/30-го іюля графъ Пурталесъ снова повторялъ С. Д. Сазонову вопросъ, удовольствуется ли Россія заявленіемъ о территоріальной незаинтересованности Австро-Венгріи, слѣдовательно, не подвинулся съ той точки, на которой Германія стояла съ перваго дня кризиса.

Тѣмъ временемъ въ Вѣнѣ совершалась рѣшительная перемѣна. Тотъ день 15/28 іюля, который былъ въ Берлинѣ началомъ воинственной политики, былъ въ Вѣнѣ ея концомъ. Въ этотъ день, мы знаемъ, графъ Берхтольдъ, вернувшись изъ Ишля, рѣшительно отказалъ Н. Н. Шебеко въ обсужденіи въ Петербургѣ какихъ-либо измѣненій австрійскихъ требованій. 16/29-го началась война съ Сербіей и были получены извѣстія о русской мобилизаціи. Могло казаться, что положеніе стало безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе 17/30-го графъ Берхтольдъ обнаружилъ совершенно опредѣленные признаки отступленія. Предоставимъ разсказывать англійскому послу въ Вѣнѣ, спокойныя и продуманныя донесенія котораго особенно цѣнны. „Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ русскому послу, что, разъ Россія мобилизовала, Австрія, разумѣется, должна сдѣлать то же самое. Это не должно однако, разсматриваться, какъ угроза, а лишь какъ принятіе предосторожностей, подобныхъ тѣмъ, кои были приняты по ту сторону границы. Онъ не имѣетъ возраженій противъ продолженія русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и графомъ Сапари ихъ разговоровъ, хотя онъ и не сказалъ, что они могутъ быть возобновлены на основѣ сербскаго отвѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день 18/31 іюля графъ Сапари заявилъ С. Д. Сазонову, что его правительство готово обсудить содержаніе австрійскаго ультиматума Сербіи. С. Д. Сазоновъ выразилъ свое удовольствіе и сказалъ, что обсужденіе лучше всего сосредоточить въ Лондонѣ съ участіемъ великихъ державъ. Графъ Берхтольдъ не удовольствовался посылкой инструкціи графу Сапари и поспѣшилъ лично еще разъ повидать 18/31-го русскаго посла, чтобы просить его всячески постараться разсѣять „совершенно ошибочное“ впечатлѣніе въ Петербургѣ, будто Австро-Венгрія закрыла дверь для всякихъ дальнѣйшихъ

разговоровъ; онъ сказалъ, что Австро-Венгрія не замышляетъ ни нарушенія суверенныхъ правъ Сербіи, ни присоединенія сербской территоріи. Въ тотъ же день совершенно одинаковое заявленіе о признаніи сербскаго суверенитета было предписано сдѣлать въ Парижѣ австро-венгерскому послу, и обо всѣхъ этихъ настойчивыхъ и торопливыхъ мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія англичанъ.

Отступленіе было полнымъ. Надо отмѣтить одну подробность, которая дѣлаетъ его особенно рѣзкимъ: извѣстіе о всеобщей мобилизаціи въ Россіи должно было дойти въ Вѣну 18/31-го утромъ, и оно ни малѣйшимъ образомъ не отразилось на готовности уступить Россіи.

Каковы были причины этого отступленія? Германское правительство заднимъ числомъ пыталось доказать, что оно было вызвано его примирительными совѣтами. Меморандумъ бѣлой книги прямо заявляетъ, что „16/29-го іюля графъ Сапари, по германскому предложенію (auf unsere Anregung), получилъ предписаніе начать разговоръ съ г. Сазоновымъ". Здѣсь прямое искаженіе: я уже не говорю о томъ, что не вполнѣ вѣроятно, чтобы посланная изъ Берлина 16/29-го, извѣстная намъ телеграмма канцлера могла такъ скоро поспѣть превратиться въ инструкцію Сапари, полученную въ тотъ же день; процедура шифрованія и расшифрованія въ трехъ мѣстахъ, разговоровъ и телеграфной передачи дѣлали такую быстроту невѣроятной. У насъ есть гораздо болѣе вѣское доказательство: Германія настолько мало повліяла въ Вѣнѣ въ смыслѣ уступки Россіи, что наканунѣ того дня, когда графъ Берхтольдъ сказалъ Н. Н. Шебеко о готовности Австро-Венгріи уважать суверенныя права Сербіи, ф.-Яговъ въ Берлинѣ заявилъ русскому послу о непріемлемости для Австріи признанія этихъ правъ.

Въ Берлинѣ уже не считались съ Вѣной и принимали рѣшенія за австро-венгерское правительство, вопреки его волѣ и его пониманію европейскаго положенія. Телеграмма канцлера 16/29 іюля и другая телеграмма, передававшая въ Вѣну выдвинутое Греемъ наканунѣ войны предложеніе посредничества четырехъ державъ съ сохраненіемъ временной оккупаціи Бѣлграда и отправленная изъ Берлина 17/30-го, посылались только, чтобы имѣть возможность заявить объ этомъ англійскому послу и сэру Э. Грею; на обѣ могъ прійти изъ Вѣны, гдѣ принято было рѣшеніе отступать, только удовлетворительный отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ, если онъ и попадалъ въ Берлинъ—настроеніе фонъ Чиршкаго намъ извѣстно, и онъ могъ быть тенденціознымъ даже въ донесеніяхъ своему правительству,—уже не мѣнялъ рѣшеній германскаго императора.

Эти рѣшенія принимались съ головокружительной быстротой. Напомню, что 16/29-го императоръ въ телеграммѣ Государю формулировалъ имъ самимъ составленныя и, оказывается, вовсе не согласованныя

съ намѣреніями союзника условія компромисса между Россіей и Австро-Венгріей; въ той же телеграммѣ онъ говорилъ, что военныя мѣропріятія Россіи вызовутъ несчастье. Мы знаемъ, какъ спокойно отнесся графъ Берхтольдъ къ частной мобилизаціи въ Россіи, направленной противъ Австро-Венгріи. Но то, что не поколебало дипломатической выдержки австрійскаго министра,—въ этомъ качествѣ ему отказать невозможно, и онъ сохранилъ его до конца,—лишило императора Вильгельма всякаго равновѣсія духа. Его телеграмма Государю 17/30 іюля не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. „Мой посолъ получилъ приказаніе“, сказано въ ней, „указать Твоему правительству на опасности и тяжелыя послѣдствія мобилизаціи; то же я сказалъ Тебѣ въ моей вчерашней телеграммѣ. Австро-Венгрія мобилизовала только противъ Сербіи и только часть своей арміи. Если Россія, какъ явствуетъ изъ Твоего сообщенія и сообщенія Твоего правительства, мобилизуетъ противъ Австріи, то посредническая роль, которую Ты мнѣ дружественнымъ образомъ ввѣрилъ и которую я принялъ по Твоей прямой просьбѣ, ставится въ опасность, если не сдѣлается невозможной. Вся тяжесть рѣшенія лежитъ теперь на Твоихъ плечахъ, и Ты отвѣчаешь за войну или миръ“.

Эта телеграмма обличаетъ совершенно ясно, что въ глазахъ императора отступленіе Австро-Венгріи, о которомъ было въ ту минуту извѣстно въ Берлинѣ, не представляетъ болѣе никакого интереса и значенія. Онъ, императоръ, дѣлается центромъ, волю котораго должна творить Европа. Телеграмма вскрываетъ,—въ той обстановкѣ, въ которой она была отправлена,—ничѣмъ не сдерживаемую гордыню. Воля Германіи—высшій законъ; кто дерзаетъ ей не подчиниться, тотъ несетъ отвѣтственность за войну. Германіи завѣдомо никто не угрожаетъ: русское правительство откровенно и внимательно держитъ германскихъ представителей въ Петербургѣ въ извѣстности о томъ, какія военныя мѣры имъ приняты и какія нѣтъ. И тѣмъ не менѣе мобилизація противъ Австріи объявлена покушеніемъ на Германію; пресловутое „посредничество“—только маска, подъ которой скрывается притязаніе на европейскую гегемонію.

Телеграмма 17/30-го объясняетъ то, что случилось ранѣе, и то, что произошло потомъ. Намъ понятна теперь рѣшимость воевать, къ которой пришли въ Берлинѣ по возвращеніи императора изъ Норвегіи: эта рѣшимость вызвана была предчувствіемъ, что воля Германіи еще не законъ для Россіи, и ослѣпленной гордостью, заставлявшей стремиться во что бы то ни стало доказать обратное. Изъ этой рѣшимости 17/30-го сложилось рѣшеніе, которое было приведено въ исполненіе на слѣдующій день. При томъ припадкѣ неуравновѣшенной разсудкомъ надменности, которую наблюдаешь въ Берлинѣ за эти дни, извѣстіе о всеоб-

щей мобилизаціи Россіи неминуемо вызывало катастрофу. Германское правительство старалось заднимъ числомъ представить это извѣстіе, какъ неожиданное: эта попытка—лишнее свидѣтельство ослѣпленія Берлина. Германія 16/29-го и 17/30-го угрожала Россіи войной, если не будетъ отмѣнена частичная мобилизація. „Это требованіе получило отъ насъ“, говорилъ сэру Э. Грею графъ Бенкендорфъ, „лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать великая держава“. Такимъ отвѣтомъ могла быть только всеобщая мобилизація. Англійскій посолъ въ Петербургѣ телеграфировалъ въ Лондонъ 17/30 іюля: „Возбужденіе здѣсь достигло такого предѣла, что, если Австрія откажется сдѣлать уступку, Россія не можетъ остаться спокойной и, разъ она знаетъ теперь, что Германія вооружается, она едва ли можетъ отложить, по стратегическимъ соображеніямъ, превращеніе частной мобилизаціи во всеобщую“. Въ день всеобщей мобилизаціи утромъ Государь отправилъ императору Вильгельму слѣдующую телеграмму: „Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое позволяетъ сохранять слабую надежду, что все можетъ еще кончиться мирно. Технически невозможно остановить военныя приготовленія, необходимость которыхъ была вызвана австрійской мобилизаціей. Мы очень далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ продолжаться переговоры съ Австріей о Сербіи, Мои войска не предпримутъ наступательныхъ дѣйствій. Въ этомъ Я даю тебѣ торжественно Мое слово. Я всѣми силами надѣюсь на Милость Божію и надѣюсь на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ на благо Нашихъ странъ и мира Европы“.

Эта телеграмма пришла по назначенію послѣ того, какъ изъ Берлина было отправлено графу Пурталесу приказаніе передать ультиматумъ, требовавшій отъ Россіи отмѣны всѣхъ военныхъ мѣръ. Быть можетъ, неуравновѣшенное и возбужденное настроеніе, переживавшееся Берлиномъ, позволяло надѣяться, что Россія приметъ ультиматумъ, но объективно это было, конечно, внѣ предѣловъ возможнаго. Началась война.

Надо думать, что она больше всего удивила Вѣну: первымъ, кто упразднилъ Австро-Венгрію, былъ германскій императоръ, въ эти послѣдніе дни европейскаго кризиса; когда австрійскій посолъ въ Петербургѣ объявлялъ намъ войну черезъ пять дней послѣ Германіи и ссылался на то, что, „согласно сообщенію берлинскаго кабинета“, Россія сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи, онъ могъ бы прибавить, что и обо всемъ остальномъ, что случилось передъ войной, его правительство узнало только заднимъ числомъ, когда „берлинскій кабинетъ“ уже принялъ за него рѣшеніе. Надо прочесть любопытную картину того, что происходило въ Вѣнѣ послѣ германскаго объявленія войны, въ депешѣ англійскаго посла ди-Бунзена, чтобы видѣть, какъ медленно раскачивалось австрійское правительство, прежде чѣмъ

рѣшилось послѣдовательно признать, что воюетъ съ Россіей, Франціей, Англіей; но война была, конечно, для нея неизбѣжностью, наступившей въ 7 час. 10 мин. вечера 19 іюля/1 августа, въ тотъ моментъ, когда графъ Пурталесъ выходилъ изъ кабинета С. Д. Сазонова, передавъ ему ноту о войнѣ. Нѣтъ надобности слѣдить за процедурой формальнаго возникновенія всѣхъ этихъ австрійскихъ войнъ: это была бы уже не исторія, а канцелярская опись.

Для моралиста, изучающаго тѣ послѣдніе дни, когда неумѣренная гордыня нѣмцевъ и ихъ слѣпая вѣра въ силу угрозы вызвала европейскую войну, есть великое утѣшеніе. Воинственный пафосъ этихъ дней былъ отравленъ императору страхомъ передъ Англіей. Въ Берлинѣ чувствовали, что англійскій нейтралитетъ не обезпеченъ; торгъ, предложенный Грею, не удался; Грей откровенно заявлялъ нѣсколько разъ за послѣдніе дни, что Германія не должна разсчитывать на его невмѣшательство. Несмотря на все это, въ Берлинѣ хранили надежду, что дѣло не проиграно. Равнодушіе, которое Англія обнаруживала къ сербскому вопросу въ началѣ кризиса, можно полагать, сбивало съ толку. Надо было во что бы то ни стало предотвратить опасность. Что только не было предпринято съ этою цѣлью, и всякій день и часъ она надвигалась все ближе и ближе. Прежде всего, надо было внушить въ Лондонѣ, что не Германія нарушила миръ. Въ день объявленія войны императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ Георгу V, не говоря ни о своемъ ультиматумѣ, ни объ объявленіи войны, что Государь Императоръ не дождался результатовъ его посредничества и „оставилъ его безъ всякихъ извѣстій“ (?) и что онъ, императоръ Вильгельмъ, принимаетъ мѣры къ „обезпеченію безопасности своихъ восточныхъ границъ“. Когда нельзя было больше скрывать, государственный секретарь ф.-Яговъ сказалъ сэру Э. Гошену, что, „такъ какъ нѣкоторыя русскія войска перешли границу, Германія и Россія находятся въ состояніи войны“. Къ этимъ совершенно дѣтскимъ уловкамъ и лжи прибѣгали въ то время, какъ Германія своими дѣйствіями ставила передъ Англіей грозную, непосредственно затрогивавшую ея основные интересы, проблему политическаго равновѣсія—возможность разгрома Франціи. Когда императоръ объявлялъ войну Россіи, онъ зналъ, что шелъ на войну съ Франціей; но онъ не понялъ, что война съ Франціей значила войну съ Англіей. 19 іюля/1 августа германскій посолъ князь Лихновскій, который, одинъ изъ многочисленныхъ германскихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ событіяхъ, отдавалъ себѣ, повидимому, въ этотъ моментъ отчетъ въ положеніи, настойчиво убѣждалъ Грея опредѣлить условія англійскаго нейтралитета; онъ взялъ на себя предложить гарантію неприкосновенности Франціи и ея колоній; въ этомъ предложеніи было больше такта, чѣмъ въ „торгѣ“ канцлера, но оно пришло слишкомъ поздно, и Грей его отклонилъ. Въ

тотъ же день императоръ и канцлеръ, на основаніи нѣсколько неясной передачи Лихновскимъ обрывка своего разговора съ Греемъ о желательности предупредить военныя дѣйствія между Германіей и Франціей, телеграфировали въ Лондонъ, что отказываются даже отъ войны съ Франціей, если Англія гарантируетъ ея нейтралитетъ. Разговоръ съ Греемъ происходилъ тогда, когда послѣдній еще не зналъ о германской мобилизаціи; послѣ того какъ это извѣстіе было получено въ Лондонѣ, самъ Лихновскій призналъ, что говорить о нейтралитетѣ Франціи „совершенно безнадежно". Наканунѣ всѣхъ этихъ телеграммъ германскій ультиматумъ Франціи былъ уже отправленъ, а на слѣдующій день послѣ нихъ была объявлена война. Англійское правительство немедленно заняло новое положеніе: 20 іюля/2 августа оно письменно заявило французскому правительству, что, если германскій флотъ черезъ Сѣверное море или черезъ каналъ нападетъ на Францію, англійскій флотъ окажетъ ей помощь; на слѣдующій день сэръ Э. Грей объ этомъ заявилъ въ палатѣ общинъ въ томъ историческомъ засѣданіи, за каждымъ поворотомъ котораго съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ весь міръ. Германія немедленно заявила, что отказывается отъ морскихъ дѣйствій противъ сѣвера Франціи; 22 іюля/4 августа канцлеръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что „повторяетъ это обѣщаніе передъ лицомъ всего свѣта".

Но и на этотъ разъ было слишкомъ поздно; готовность принимать англійскія требованія сочеталась въ Германіи съ рѣшимостью предъявлять ультиматумы всѣмъ своимъ сосѣдямъ: послѣдній изъ трехъ— ультиматумъ Бельгіи — далъ англійскому правительству возможность сказать странѣ, что время войны наступило. Было бы, конечно, неправильно думать, что Англія воюетъ только потому, что Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ; но всякій, кто читалъ рѣчь Грея въ палатѣ общинъ, знаетъ, что этимъ была создана одна изъ тѣхъ великихъ морально-политическихъ формулъ, которыми англійская внѣшняя политика живетъ на пространствѣ вѣковъ. Въ бельгійскомъ вопросѣ германская политика опредѣлялась генералами или, точнѣе говоря, политики совсѣмъ не было, а была только стратегія. Можно думать, что и стратегія не очень точная: ф.-Яговъ объяснялъ англійскому послу, что не итти черезъ Бельгію—значило терять время, а эта потеря времени есть „вопросъ жизни и смерти", ибо дастъ Россіи возможность „подвести свои войска къ германской границѣ". Всѣ усилія Германіи, неумѣлыя, но настойчивыя, граничившія съ готовностью мириться даже съ немалымъ умаленіемъ своего достоинства великой державы, которыя прилагались, чтобы добиться англійскаго нейтралитета, потерпѣли крушеніе въ этомъ забвеніи политики и исторіи.

Библиотека
Института Ленина

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Нюстадская, 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора „**Введеніе въ метафизику**". Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный переводъ съ французскаго В. Флёровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка*. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка*. Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к. (Изданіе распродано.)

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г.—декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна **60** коп.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искуствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.**—**Цвѣты и кристаллы.**—**Искусство вожатый.**—**Тишина.**—**О воздушныхъ мостахъ критики.**—**Путь и цѣль въ искусствѣ.**—**Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетѣ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга*. **А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція.** *Авторизованный* переводъ *В. А. Флеровой*.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Только что вышла новая книга:

А. Бергсонъ.

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Единственный авторизованный переводъ съ французскаго В. А. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга (изданіе Д. Е. Жуковскаго):

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.). Стр. 619.

Въ этомъ сборникѣ помѣщена статья **„Великая Россія“**, а также рядъ другихъ статей, посвященныхъ вопросамъ внѣшней политики. Въ сборникъ „Patriotica“ кромѣ того вошли статьи: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. А. Гучкова).

Цѣна 3 руб.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.
1914 г.